

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ФРАНК ТИЛЬЕ

С Н О В И Д Е Н И Е

Новый роман Тилье —
это остросюжетная драма,
где автор манипулирует читателем,
который неминуемо угодит
в ловушку, перед тем как
погрузиться в сон или проснуться.

Ouest France

**Впервые
на русском!**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Франк Тилье

Сновидение

«Азбука-Аттикус»

2016

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Тилье Ф.

Сновидение / Ф. Тилье — «Азбука-Аттикус», 2016 — (Звезды
мирового детектива)

ISBN 978-5-389-13419-5

Абигэль – выдающийся психолог, специалист, которого полиция часто призывает на помощь в серьезных расследованиях. Однако ее жизнь с давних пор омрачает нарколепсия – таинственная болезнь, из-за которой сны перепутаны с действительностью. Теперь Абигэль идет по следу человека, который уже похитил троих детей, и, похоже, вскоре у полиции будет четвертая жертва... Вопросы множатся, похититель где-то совсем рядом. Но кто он? Ответ хранится в памяти Абигэль – памяти, где реальность неотвратимо сжимается, как шагреновая кожа... Впервые на русском!

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-13419-5

© Тилье Ф., 2016
© Азбука-Аттикус, 2016

Содержание

Пролог	6
1	7
2	8
3	10
4	14
5	18
6	22
7	25
8	29
9	32
10	35
11	37
12	40
13	43
14	46
15	49
16	51
17	53
18	55
19	58
20	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Франк Тилье

Сновидение

Franck Thilliez

REVER

Copyright © 2016, Fleuve Éditions, Département d'Univers Poche

© Н. Хотинская, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа Азбука-Аттикус», 2017

Издательство АЗБУКА®

Новый роман Тилье – это остросюжетная драма, где автор манипулирует читателем, который неминуемо угодит в ловушку, перед тем как погрузиться в сон или проснуться.

Quest France

Тилье сотворил шедевр. Забыть роман «Сновидение» невозможно. Думаешь, что ты все понял и правильно вычислил, но финал повергает тебя в ступор. С каждой главой нарастает тревожное ожидание, повороты сюжета невероятны, тебя затягивает в темный водоворот.

Darkvador

Франк Тилье, как Стивен Кинг и Жан-Кристоф Гранже, обожаемые им авторы, любит помещать своих героев в экстремальные ситуации, которые углубляют проблемы их собственной психики.

Машиа Сери. Le monde des livres

Дорогой читатель!

Чтение триллера – это путешествие, сотканное из открытий, ощущений, эмоций, которое уведет вас далеко на обширные территории саспенса и страха. На этих землях, теперь хорошо мне знакомых, я буду вашим проводником. Предупреждаю: это путешествие и во времени. Невероятная история Абигэль Дюрнан колеблется, подобно стрелке, между декабрем 2014 и июнем 2015 года, а значит, будут чередоваться главы об этих двух периодах. Прошу учесть ценные указания, расположенные, как правило, в начале каждой главы, они очень важны для того, чтобы все прошло в наилучших условиях. Черная стрелка укажет вам момент, когда разворачивается действие.

Вы хорошо снарядились? Никто не тревожит, свет горит, легкая музыка звуковым фоном, почему бы нет? Итак, приготовьтесь погрузиться вместе с Абигэль в самые темные тайники человеческого разума.

Пролог

Дрожащей рукой Абигэль Дюрнан выбила из пачки «Мальборо» сигарету и сунула в рот. Щелчок зажигалки «Зиппо» завладел ее вниманием. Она не курила, но научилась видеть, слушать, ощущать, как никто другой, и на этот раз снова каждая мельчайшая деталь окружения наполнялась смыслом.

Вокруг нее горела заброшенная сортировочно-промывочная станция. Красные языки пламени метались, как десятки чертей, вдоль грязных стен. Они с хрустом пожирали изношенные балки, жонглировали раскаленными углями, выплевывали клубы черного дыма. Не было возможности спуститься по пылающей лестнице и не существовало никакого другого выхода. Абигэль оказалась в западне, на высоте больше пятнадцати метров среди пустоши, и никто не мог услышать ее криков. Скоро она сгорит заживо.

Она залюбовалась формой этих оголодавших языков, их цветом, извилистым и изящным танцем, который они исполняли. Они казались ей такими реальными, такими живыми и трудновоспроизводимыми. Как мог ее рассудок создать их с такой точностью? Совершенно невозможно.

Абигэль закатала рукав свитера, открыв правое предплечье, на котором темнели следы от иглы и, главное, пять бурых кружков. Сморщенные кратеры, глубокие, похожие на свищи. Каждый из этих ожогов сигаретой вел ее к последней встрече, помогал найти дорогу, подсказка за подсказкой, как белые камешки Мальчика-с-пальчика. Но, не в пример сказке Перро, эта история грозила кончиться плохо.

Ответы крылись где-то в этих стенах. Нужен был последний шрам, чтобы покончить с этим раз и навсегда. Укусам огня на ее плоти можно было верить, так же как и странным татуировкам, спрятанным одна под другой на внутренней стороне ее левого бедра, за которые она цеплялась всякий раз, когда ее одолевало сомнение.

Кто такой Джош Хейман?

Отыскать демонов ДжХ

ДжХ близко знает Леа и Артура. Откуда?

Леа должна была быть четвертой

Рухнула балка, вызвав дьявольский хохот. Дерево трещало, здание скрипело сверху донизу и готово было упасть, сжаться, точно обугленная рука. Пора было с этим кончать. Абигэль с силой затянулась, кончик сигареты заалел. Она поднесла его к запястью и нашла местечко между следами иглы и прежними ожогами.

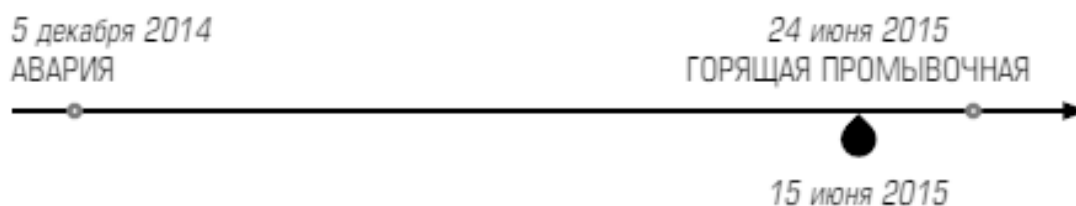
Если больно не будет, значит ничего этого никогда не было. Абигэль не проснулась сегодня утром в крови, с изрезанным животом. Она не в горячей промывочной, а лежит в своей постели, свернувшись под одеялом, и видит невероятно подробный сон. Положительный момент: она не сгорит, как дрянная тряпичная кукла.

А вот если будет больно, значит Абигэль столкнулась с чем-то невозможным. С парадоксом, связанным с ее автомобильной аварией и мрачными тайнами, которые скрывал ее отец.

Что же это – горящая промывочная или сон о горящей промывочной?

Проворный огонь разгорался все ярче, она, глубоко вдохнув, зажмурилась и, как делала это уже пять раз за последние дни, раздавила пламенеющий кончик о свою руку.

1

*Девятью днями раньше.
Дневник снов Абигэль Дюрнан
Сон № 297, 15 июня 2015 г.*

Мой отец всегда говорил, что можно двояко смотреть на деревянный поддон. Можно просто как на деревянный поддон. А можно – как на результат гения наркоторговцев: то, что мозг воспринимает как знакомую и необходимую для транспортировки вещь, оказывается десятью килограммами кокаина, которому талантливые химики придали запах, вид, структуру деревянного поддона. Вот почему контрабанду наркотиков так трудно пресечь. В окружающих нас вещах, таких привычных и очевидных, мы просто не в состоянии их разглядеть.

А мне бы все-таки хотелось сказать отцу, что человеческий мозг куда изощреннее в области снов, чем в наркоторговле. В самом деле, он заставляет нас верить, что сон реален, и когда нас преследует динозавр. Во сне мозг постоянно попадает в собственную ловушку, слясая противостоять уловкам даже самого распоследнего картезианца. И Эйнштейн, и Ньютон, и Декарт однажды поверили, что могут прыгнуть с высокого утеса и полететь. И они это сделали.

Для большинства людей сон кончается с пробуждением. Но мне различать сон и реальность становится с каждым днем все сложнее. Да, в последнее время даже наяву я должна постоянно убеждать себя, что не сплю. Быть уверенной: то, что видят мои глаза и слышат уши, РЕАЛЬНО.

С тех пор как «это» усугубилось, я всегда ношу при себе иглу. И когда задаюсь вопросом: «Сплю я или нет?», втыкаю острие этой иглы в кожу. Во сне у меня никогда не идет кровь, это я давно поняла. Это как бы щель в моем подсознании: если я уколусь и пойдет кровь, значит я в реальности, а не сплю. Разумеется, мне никогда не приходит в голову уколоть себя во сне, и поэтому я не знаю, что это сон, вот в чем вся загвоздка. Здесь, в реальности, мои руки все в точках от уколов.

Все это похоже на речи сумасшедшей, но я не сумасшедшая, поверьте. Потому что сумасшедший не сознавал бы всего этого.

Сейчас 5:08 утра, я только что укололась, и капелька крови выступает на моем большом пальце, течет, падает на письменный стол. Таким образом, я знаю, когда пишу эти строки, что действительно проснулась, и вполне сознаю, что делаю.

Я в реальности. Это важно для дальнейшего.

Реальность, реальность, реальность, реаль...

2

У нее отказала ручка, вот так, вдруг. Абигэль научилась не доверять случайностям, совпадениям: в ее снах их было предостаточно. Она взгляделась в капельку крови на столе, потрогала, понюхала. Медный запах, консистенция, цвет... Не может быть, что она еще спит.

Удостоверившись, она в свете маленькой лампочки достала из ящика другую ручку и продолжила свой рассказ.

Перейдем ко сну, который я только что видела: я стою в комнате моей дочери Леа, рядом с большой пустой кроватью. Простыни смяты. Деревянный вентилятор вращается над моей головой. В кружении лопастей дугой вырисовывается надпись: «Жемчужинка Любви». Это ласковое прозвище Леа, которое она так ненавидела.

Напротив меня трое детей держатся за руки посреди комнаты и водят хоровод, распевая песенку «Оборотень»:

*Мне говорят, я это сочиняю,
Мне говорят, я голову теряю,
Он под кроватью у меня, я знаю,
И до утра, боюсь, мне не дожить.*

Дети перепуганы, их голоса дрожат, они поют и кружатся очень быстро (не так быстро, как вентилятор, но почти), успокаивая себя. На меня они не обращают внимания. Я узнаю Алису, Виктора и Артура, похищенных детей. На Артуре футболка сборной Франции с номером 9. Да, и на этот раз тоже все пропавшие дети в той одежде, в которой были в день похищения.

Не хватает четвертого ребенка – похищенной девочки с длинными светлыми волосами, как у моей дочери; ее имени так никто и не знает, в жандармерии ее называют Золушкой, – и я знаю, где она прячется. Я нагибаюсь и нахожу ее скорчившейся под кроватью. И на этот раз тоже у нее нет лица. Как будто ее черты скрыты под плотным чулком. Вид жуткий.

Золушка прижимает к груди черного плюшевого котенка моей дочери. Уже не в первый раз она крадет вещи Леа (ср. сны 232, 216, 198 и 181 из самых последних). Она агрессивна, и я, зная ее реакции – сколько раз они мне снились, – предпочитаю ее не провоцировать. Я встаю. Дети исчезли, но их голоса продолжают петь «Оборотня»:

*Каждую ночь мне не уснуть,
Каждую ночь мне страшно, аж жуть...*

По-прежнему во сне я выхожу из комнаты в моем бывшем доме в Эллемме и вдруг оказываюсь здесь, в гостиной лилльской квартиры моего друга Фредерика. Я направляюсь к стулу, на котором сижу сейчас. Достая из ящика стола тетрадь, в которой сейчас пишу, открываю ее и начинаю записывать череду букв. Я помню ее начало: «Puellainferus». Дальше вспомнить не могу.

Я пишу (по-прежнему во сне) и чувствую вокруг себя вибрацию, смотрю на люстру – она качается взад-вперед, лампочка то загорается, то гаснет, как будто происходят микрозамыкания. Это знаки: приближается ТА САМАЯ машина, смертельная авария неминуема, и я паникую. В каждом новом кошмаре, где присутствует черный седан с неработающей левой передней фарой, крепнет опыт моих предыдущих снов. Теперь я знаю, что, где бы я ни пряталась, отцовская машина все равно наедет на меня. Авария и моя смерть неизбежны.

Как правило, когда мной овладевают острые эмоции, например сильный страх, я падаю на землю и не могу пошевелиться (катаплексия). Это происходит со мной и в снах. Но на сей раз я жду, быстро кружась на месте посреди комнаты: я говорю себе, что отец, откуда бы он ни появился, узнает меня на этот раз и, может быть, не станет убивать. И тогда он расскажет мне, что на самом деле произошло в ночь на 6 декабря 2014-го, почти полгода назад. В ночь, когда разбилась моя жизнь.

Но кружиться становится все труднее, я смотрю на свои ноги, которые на глазах превращаются в корни и не дают мне двигаться. Из рук вырастают ветви, я превращаюсь в дерево. Мои губы врастают в ствол, я уже не могу крикнуть. Седан мчится, светя фарами, все быстрее прямо на меня. Сквозь ветровое стекло я вижу широкую улыбку отца.

Конец сна. Я проснулась с болью в сердце – так быстро и сильно оно колотилось. Не знаю, сколько времени я пролежала в постели, не двигаясь и говоря себе, что все это было только сном.

ЧТО ЭТО НЕ БЫЛО РЕАЛЬНЫМ!

Фред лежал, отвернувшись к стене, я не стала его будить. Я встала и пошла сюда, в кабинет, чтобы записать этот кошмар. Открыла тетрадь на предыдущем сне, 296-м, и приготовилась занести в нее все это.

И тут я остановилась. На этой чистой странице было написано моим почерком: «*puellainferussalutantvos*».

Я узнала начало (*puellainferus*), которое записала в этой самой тетради во сне. Вот тут-то я и уколола палец. Хотела убедиться, что это уже не сон. Потекла кровь, а буквы по-прежнему были здесь, передо мной, вполне реальные. Я знала, что это невозможно, и все же... Неужели я встала во сне, в полузабытьи, и записала это послание? Приступ сомнамбулизма?

Я всмотрелась в эту надпись внимательнее и вздрогнула: она мне о чем-то говорила. Я сосчитала буквы. Их было двадцать четыре.

Двадцать четыре... Число, выжженное каленым железом в моей голове, из-за дела Фредди. Месяца два назад жандармы нашли одного из похищенных детей (единственного на сегодняшний день). Похититель вытатуировал двадцать четыре буквы по всему его телу, с головы до ног. Похоже, человек, которого мы разыскиваем, хотел оставить нам послание через посредство этого ребенка, но как мы ни ломали голову, так и не поняли смысла этих двадцати четырех букв. Они наверняка складывались в код, во фразу, но какую?

И вот, обнаружив сегодня утром эти буквы в моей тетради, я посмотрела на фотографии, прикрепленные к пробковой доске надо мной. Особенно внимательно – на снимки спасенного мальчугана, сделанные врачом; я скрупулезно сравнила каждую из двадцати четырех букв на его руках, ногах, спине, затылке с теми, что я записала в тетради: они оказались идентичны. В другом порядке, конечно, но идентичны.

Я перечитала буквы, записанные на странице моего дневника. Из амальгамы букв, казалось, проступили слова: *inferus, salutant...* Латынь, язык, который я учила в школе.

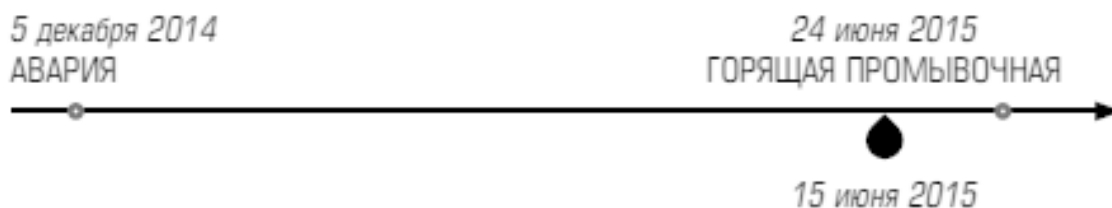
С помощью Интернета, разделив буквы в нужных местах, я получила фразу, и меня чуть не вывернуло, когда я ее перевела. Загадка двухмесячной давности, вытатуированная на теле похищенного ребенка, нашла свое решение самым странным образом. Через сон.

Фредди, злодей-похититель, за которым мы гоняемся уже больше года, оставил нам любопытнейшее послание. И мне кажется, что это намек на девочку из моих кошмаров.

«*Puella inferus salutant vos*»

«Девочка без лица приветствует вас».

3

– Кто такой Фредди?

Психолог Абигэль Дюрнан стояла в бывшей сестринской комнате психиатрической больницы Байеля перед командой из десяти жандармов, сидевших вокруг стола. Для этой речи, которой ждали все, она оделась соответственно: кремовая блузка, светло-серый костюм, шарфик в тон и удобные лодочки на устойчивом каблуке.

Перед участниками лежало досье – четыре десятка скрепленных страниц. Через маленькое овальное окошко Абигэль могла видеть свою дочь, которая, сидя на койке в бывшей палате, набирала что-то на планшете. Эта временная «казарма», разумеется, не была идеальным местом для тринадцатилетнего подростка, но Абигэль обещала после совещания повезти ее в Лилль пройтись по магазинам. В довершение всего при пожаре сгорела часть помещений настоящей казармы жандармерии – самой большой на севере Франции, – и больше трети личного состава, всего четыреста жандармов, вынуждены были несколько месяцев назад перебраться в эту пребывавшую в запустении бывшую психиатрическую лечебницу, которую они называли Безумной Вдовушкой.

– Я передала каждому из вас наиболее полный итог моих недавних анализов. Как вам известно, здесь учтены последние данные, полученные при внимательнейшем чтении криминальных досье, прослушивании магнитофонных записей, просмотре фотографий и всех важных элементов, имеющих отношение к делу Фредди. Этот новый синтез вырабатывался долго, прошу прощения, но дело имеет исключительный характер, и я не хотела упустить ни единой детали. Я изложу вам устно краткое резюме этого документа, который прошу вас, разумеется, прочесть как можно скорее.

Психолог переглянулась с жандармом Фредериком Мандрие – лицо словно гипсовая маска и свинцовые круги под глазами. После этих трудных и бесплодных месяцев сыщики из отдела розыска, приданные команде «Чудо-51», маялись настоящим похмельем. Этот тип, по прозвищу Фредди, задал им задачу.

– Всегда полезно припомнить факты, – продолжала Абигэль, не понижая тона. – На сегодняшний день, пятое декабря две тысячи четырнадцатого года, похищены трое детей. Алиса, Виктор и Артур исчезли в порядке перечисления. Алиса Мюзье, четырнадцати лет, – первая жертва. Девочка из семьи среднего класса, пропала в Ретеле, маленьком городке на Марне, километрах в двадцати от Реймса, второго марта две тысячи четырнадцатого года, девять месяцев тому назад, между автобусной остановкой и своим домом, находящимся всего в шестистах метрах...

Девять месяцев... вот уже девять месяцев это дело не сходило со страниц газет и будоражило общественное мнение. *Мать-природа родила монстра*, подумал капитан жандармерии Патрик Лемуан, руководитель расследования, крутя обручальное кольцо на пальце.

– ...Есть свидетель, утверждающий, что видел, как девочка разговаривала с мужчиной в каскетке и сером комбинезоне, вроде униформы «Электрисите де Франс», рядом с парковкой

у почты, которую Алиса пересекала всякий раз, возвращаясь из танцевальной школы. Свидетельство расплывчато из-за темноты и расстояния, но сопоставление с двумя последующими похищениями ясно указывает, что Фредди – белый мужчина, ростом около метра восьмидесяти, ему от тридцати до пятидесяти лет. Лично я склоняюсь скорее к тридцати-сорока по причинам, ясно изложенным в отчете. Фредди переодевается, гримируется, иногда носит бороду, длинные волосы, иногда – вязаную шапку, очки, шарф, что не позволяет нам получить достоверное описание. В документе вы найдете и другие детали, но по большей части вы их уже знаете. Очень важный факт: мы располагаем его генетическим профилем, который отсутствует в Национальной электронной картотеке генетических отпечатков. А вот отпечатков пальцев нет, он наверняка действует в перчатках, имеет также в своем распоряжении форменную одежду служащего «Электрисите де Франс» и почты. За неимением свидетельств мы не смогли установить тип машины, на которой он ездит.

Завибрировал ее мобильный телефон. Она достала его из кармана, с удивлением обнаружила, что на разбитом экране высветилось «Папа», переключила его в режим ожидания и положила на стол, разволновавшись. От отца, живущего в трехстах с лишним километрах, она не имела никаких вестей вот уже несколько месяцев. Почему он вдруг позвонил? Она постаралась сосредоточиться на своей речи.

– Далее... Виктор Кодиаль, тринадцати лет. Единственный сын матери-кассирши и неизвестного отца, был похищен в Амбуазе, близ Тура, седьмого июня две тысячи четырнадцатого, через три месяца, стало быть, после Алисы. В среду вечером, из дому. Мать всегда оставляет его одного в этот день, чтобы сходить в кино с подругой. Взлома не было, но мебель в гостиной опрокинута: Фредди вошел, Виктор тщетно отбивался, сумев, однако, ранить непрошеного гостя. Так мы смогли получить неизвестную ДНК из крови, не принадлежащей Виктору. При анализе профиля на «Фейсбуке» обнаружена переписка между мальчиком и некой Жюстин Куаффар, якобы тринадцатилетней девочкой...

Абигэль переглянулась с жандармом Жизель Терье, без пяти минут пенсионеркой, единственной женщиной среди сыщиков. Женственность ее была, правда, относительной. С высоким лбом и глубоко посаженными глазами, она напоминала изваяние с острова Пасхи. Жизель открыла контакты мальчика и разрабатывала след в соцсетях. Они с Абигэль ценили друг друга и часто работали вместе.

– ...Мы также обнаружили след похитителя под личиной некоего Грегга Паччарелли на странице «Фейсбука» первой жертвы, Алисы. В Интернете Фредди смог собрать множество сведений о повседневной жизни этих детей, узнать их привычки. Похищая Виктора из дому, он знал, что никто ему не помешает. Он знал также, что в пятницу вечером Алиса возвращается с уроков танца с подругой, но девочки расстаются за несколько кварталов до своих домов и что Алиса идет домой через пресловутую парковку.

Она подошла к висевшей на стене большой карте Франции и показала карандашом несколько мест. Два десятка пар глаз пожирали ее. На нее смотрели, как на ключ, который откроет сейф. А она не была ключом, скорее сверлом дрели. Да, это был ее талант – вскрывать сейфы человеческого рассудка, самые замысловатые, в которые трудно проникнуть. В данном случае – преступные.

– Маленький городок близ Реймса – Алиса, Амбуаз – Виктор и Нант – Артур, третья жертва. Мальчик пропал, когда ехал на велосипеде на тренировку по футболу. На «Фейсбуке» его нет, слишком мал, у него был только планшет, подключенный к Интернету, в котором мы не обнаружили никаких следов вторжения Фредди. Между городами большие расстояния, семьи разного социального статуса и достатка.

– Судя по данным, которыми мы располагаем, дети не были знакомы, мы всех опросили, – вставил Фредерик Мандрие. – В школах, в летних лагерях, в разных клубах...

Абигэль поправила шарфик на шее, чтобы не было видно маленького круглого шрама, похожего на след от раскаленной добела стальной трубки, если прижать ее к коже, точно под кадыком. Что-то вроде гипнотического третьего глаза.

– Мы назвали его Фредди – отсылка к оборотню Фредди Крюгеру из фильма¹, злодею, пугающему детей по ночам. Все трое детей были похищены с наступлением темноты. Но главное – эти исчезновения являются лишь первым этапом криминального процесса, тесно связанного с миром этого оборотня. Вскоре после каждого похищения Фредди потчует нас зловещей мизансценой в лесу на севере Франции.

Она ткнула ручкой в одно из мест на карте.

– Он делает что-то вроде чучела, прибитого к дереву, используя одежду жертвы, вплоть до ботинок. Эта одежда изорвана когтями – вспомните металлическую перчатку Фредди Крюгера – и испачкана кровью ее владельца, но очень своеобразно, как если бы наш человек размахивал кистью, смоченной в крови, и капли попадали бы на одежду.

Она изобразила жест.

– Вот так... Вопреки видимости, я полагаю, что действует он никоим образом не в порыве гнева. Речь идет, скорее, о мизансцене. На двух найденных чучелах количество разрывов от когтей в целом одинаково, расположение капель идентично. Жест механический, повторяющийся, лишенный всяких эмоций: наш человек умеет владеть собой. Еще одна характерная черта этих чучел – к голове, сделанной из полотняного мешка, приклеены волосы только что похищенного ребенка. На этой голове похититель рисует черным маркером жуткое лицо. Большие глаза в форме звезд, длинные зубы, нос крючком...

– Зачем он это делает? – спросил Фредерик Мандрие. – Я хочу сказать, это чучело, прибитое к дереву.

– Во-первых, это избавляет его от необходимости предъявлять трупы, он сеет сомнение, создавая кошмарную сцену, похожую на подлинную сцену преступления. «Дети у меня, а вот живы они или мертвы?» Речь идет о власти, о доминировании. Поставьте себя на место родителей, вообразите их страдания, когда они видят на фотографиях одежду своих детей, изрезанную ножом и испачканную их кровью. Эти семьи претерпевают невообразимые муки. Алиса пропала девять месяцев назад, и вы могли убедиться еще совсем недавно, в каком психологическом состоянии ее мать...

Патрик Лемуан виделся с бедной женщиной, ставшей тенью своей тени. В случаях исчезновения родители жертв переставали спать, выгорали изнутри, чахли. Иные готовы были все отдать, чтобы выяснить правду, и даже предпочли бы столкнуться с худшим, лишь бы знать. Надежда и уходящее время подтачивали их.

– Фредди забавляется, он дразнит, – продолжала психолог, подняв палец. – Он не дает ни малейшей информации о том, живы дети или нет. «Все решаю я, в моей власти жизнь и смерть детей. Как оборотень, я тот, кто пришел за ними с наступлением ночи, и вы ничего не смогли поделать. Вы в ответе, а я – я властвую над вами...» Делая это чучело, он создает гибридное, лишенное индивидуальности существо, полумонстра-получеловека, персонажа из кошмаров, гермафродита, который может свидетельствовать о сексуальной ориентации, например гомосексуальности или бисексуальности.

Тишина царила под сводами Безумной Вдовушки. Абигэль хотела продолжить, но не смогла сдержать зевоту. Она выпила глоток воды, чтобы скрыть внезапное недомогание, но жандармы переглянулись весьма красноречиво. Часто работая с ней, они знали, что сон очень скоро уведет ее к своим темным берегам. Абигэль была уверена, что они уже мысленно держат пари: когда она уснет? Через тридцать секунд? Через две минуты, через пять?

¹ Речь идет о культовом фильме ужасов «Кошмар на улице Вязов» режиссера Уэса Крейвена об оборотне Фредди Крюгере. (Здесь и далее примеч. перев.)

Она еще держала фасон, следя, чтобы ни в коем случае не ослабевало внимание.

– Свидетельства, касающиеся нашего преступника, порой расходятся: Фредди переодевается, конечно, чтобы остаться незамеченным, но, возможно, еще и потому, что ему неудобно в своей шкуре. Он не приемлет своего статуса, отрицает его, он наверняка считает себя неприспособленным к жизни в обществе. Этот гнев на нарисованном лице может быть отражением его собственного детства. Он тоже родился от отца и матери, но, возможно, не имел семьи в аффективном смысле этого слова, в отличие от его жертв. Как бы то ни было, я думаю, что он получил тяжелую травму в ранней юности. Одиночество, дурное обращение... Вспомните кровь и следы когтей. С этим чувелом он открывает нам интимную часть своей личности, грань своего лица... По всем этим причинам я думаю, что он действует один. Его искания – дело слишком личное, оно не касается никого, кроме него. Оно затрагивает самые сокровенные глубины его понятия о человеческом существе.

Снова зевот, едва не свернувший челюсть. На сей раз Абигэль почувствовала глубокое оцепенение до самых кончиков пальцев. И надо же было ножу гильотины упасть сейчас, посреди совещания.

– Прошу прощения, но мне придется опустить ненадолго занавес.

Она увидела, как один из жандармов незаметно глянул на часы и улыбнулся. Он, надо полагать, выиграл пари.

– Очень кстати, – сказал Лемуан, вставая. – Сделаем перерыв и выкурим пока сигаретку-другую.

Абигэль кипела от гнева, но не показала этого. Поставила крестик в своих записях, скупно поблагодарила и извинилась перед этим концентратом тестостерона. Быстрым шагом покидая комнату, она злилась на свое непослушное тело, на эту окаянную сонную болезнь. Почему это случилось прямо посреди ее выступления? Почему в самый важный момент ее последних недель работы?

Она поспешно уединилась в палате, закрыла дверь, легла на старый матрас, глядя в потолок, скрестив на груди руки, в позе трупа в гробу. Безумная Вдовушка дала ей кров. Могло быть хуже: по крайней мере, она в кровати, а не посреди супермаркета и не прячется в туалете своего кабинета, в то время как в кресле ждет пациент.

Не успела она смежить веки, как ее накрыло огромным черным покрывалом. Всегда та же непроницаемая ткань, давящая на лицо, то же ощущение удушья на какую-то долю секунды – и тут же расслабилась диафрагма, и ее дыхание почти мгновенно перешло в автоматический режим.

Секундой позже она отключилась, погрузившись в парадоксальный сон, полный грез и кошмаров.

4

Она вернулась в группу двенадцать минут спустя, подзарядив батареи и поправив воротничок блузки. Жандармы были в курсе ее нарколепсии. Они знали, что иногда Абигэль требуется уединиться, чтобы отдохнуть, и всегда поражались тому, с какой быстротой ее окутывал сон. Как будто выключали из розетки работающий пылесос.

Они знали также, что ее болезнь и медикаментозное лечение, смягчающее ее последствия, стирали ее самые давние воспоминания – на данный момент о детстве, – но никак не сказывались на умственных способностях. За три года Абигэль помогла им распутать шесть дел об исчезновениях и убийствах. Иные зубоскалы говорили, что разгадка является ей во сне, но она просто хорошо делала свою работу, ничего не упуская. В отделе розыска ее прозвали Цеце.

Она заглянула в записи, увидела крестик, вспомнила последние фразы.

– Так... К сожалению, лица Фредди я во сне не увидела, понадобится еще несколько сиест.

Раздался смех. Разговоры смолкли, и она снова завладела вниманием сыщиков.

– Вернемся к серьезным делам. Итак, мы говорили о причинах создания этого чучела. Оно еще и проекция похищенного ребенка. Преступник нападает на это сооружение из соломы и одежды, терзает когтями и пропитывает кровью. Через него он показывает нам свой гнев и решимость. Он провоцирует нас, хочет напугать. Вот почему я думаю, что дети еще живы. Но разумеется, прошу вас принять эту информацию со всеми необходимыми оговорками.

– Все трое детей, говоришь? – отозвался Лемуан. – Даже первая пропавшая, Алиса?

– По всей вероятности... Иначе он наверняка предъявил бы нам тела. Зачем бы ему их прятать и показывать нам чучела?

Это была, наверно, хорошая новость, но она лишь усугубила чувство бессилия у команды.

– Это не обычный преступник, его нет в картотеке ДНК, и поэтому он вряд ли когда-либо сталкивался с правосудием, даже за мелкие нарушения, что и делает его неуловимым. Он такой же, как вы и я. Пока он не выполнил первую часть своей миссии, не дошел до счета «четыре», как сообщил нам в своем письме, он сохранит этим детям жизнь. Ему нужны четверо детей, прежде чем перейти к следующему этапу. Если считать правдой адресованное нам послание, ему осталось похитить одного.

Патрик Лемуан встал и направился к кофеварке. Он наполнил стаканчики.

– Живы, черт побери!

– Со всеми оговорками, повторяю. Но предпочитаю, чтобы вы знали досконально ход моей мысли.

Патрик не первый день служил в жандармерии, но такого даже вообразить не мог. Отыгрываться на детях значило нарушить все правила, делающие нас людьми. Какую участь этот хищник уготовил своим маленьким жертвам? Патрик раздал всем кофе. Многочисленные окурки, раздавленные в картонной тарелке, походили на мертвых мух. Да и все было здесь мертво: стены, палаты, коридоры... Безумная Вдовушка догнивала изнутри.

– Что будем делать с родителями? – спросил Фредерик Мандрие. – Сообщим им, что есть вероятность...

– Нет, – оборвал его Патрик Лемуан. – Этот новый профиль должен оставаться сугубо конфиденциальным, и мы пока ни в чем не уверены. Я не хочу подавать им ложную надежду. Нет ничего хуже, чем... В общем, нет ничего хуже.

Он встал и тоже подошел к карте. Всмотрелся в места, которые знал наизусть.

– Прошло почти девяносто дней с похищения последнего мальчика, Артура, – произнес он. – Велика вероятность, что мы найдем новое чучело очень скоро, на этой неделе или на

следующей. И столкнемся с последним исчезновением. Итого будет четыре. Четверо испарившихся детей. Контракт Фредди выполнен. А что дальше? На следующем этапе?

Сыщики были склонны забывать, что Абигэль не волшебница и не ясновидящая и что в свободное от уголовных расследований время принимает пациентов в своем кабинете, как любой другой психолог. Ее территорией были прежде всего познания в криминальной психиатрии и судебной медицине. Кровь, требуха. Конкретика, как и у них.

– К сожалению, я понятия не имею. Я не знаю, какое место занимают дети в его плане, по какой причине они ему нужны и что он с ними сделает потом.

Повисло гробовое молчание. Они тут точат лясы, в то время как дети переживают ад. Иногда Абигэль представляла себе ребятишек, скорчившихся в клетках, голых, подвешенных на трехметровой высоте. А порой видела их лежащими на земле, с почерневшей кожей, рядом, как сардины в банке.

– Мы видим разительный географический контраст между местами похищений и теми, где обнаружены мизансцены. Фредди ищет именно этих детей, он отбирает их, знает их привычки, но не слишком хорошо, иначе не стал бы так рисковать с Алисой. Момент похищения он выбирает почти случайно, но действует без спешки. Он знает минимум о них благодаря социальным сетям, без деталей и подробностей. Это значит, что он не живет поблизости от этих детей. Он живет здесь, к северу от Парижа, где помещает свои чучела после каждого похищения. Почему же он отправляется за детьми так далеко? Почему выбирает именно их? Пересекались ли их пути в какой-то момент его жизни? Быть может, Фредди кочевал, прошел через все эти города, встречал этих детей, а в конце концов осел на севере?

– Что-то вроде ярмарочного торговца, ты хочешь сказать? – спросил Фредерик.

– Не обязательно, он вполне может быть учителем, прорабом, врачом, торговым представителем, просто ему не сидится на месте. Как бы то ни было, сегодня у него стабильное положение, он не маргинал, имеет определенный уровень жизни. Разъезжать, чтобы похищать детей, и потом «содержать» их – это стоит денег. Перед каждым похищением он, возможно, живет несколько дней в отеле, обедает и ужинает в ресторане поблизости. Или же у него приспособленная для этих нужд машина, трейлер, оборудованный фургон...

– Надо продолжать копать в этом направлении, – обратился Лемуан к коллегам.

Абигэль кивнула. Вести расследование значило вечно все начинать сначала, без конца нырять в бездну деталей, и чем глубже, тем больше шансов зацепить новые ниточки, вплоть до следующей детали, и так далее. Самые изощренные убийцы ждали в этой бездне, когда до них доберутся.

– Регулярность похищений – примерно каждые девяносто дней – связана, очевидно, с его работой. Она может, например, соответствовать периодам, в которые он свободен, чтобы без помех совершать свои злодеяния.

– Отпуска...

– Возможно, но отпуска, не связанные с периодикой школьных каникул, если учесть даты похищений. Что вновь дает мне основание полагать, что он холостяк. Он может выйти как днем, так и ночью, не привлекая внимания. В своей работе он очень аккуратен, до мании. Чучела сделаны скрупулезно, волосы острижены машинкой, приклеены точно, однако он оставляет несколько волосков с луковицами, чтобы мы могли сделать анализ ДНК. Он знает нашу работу, и ему нравится не спеша готовить свой ритуал. Это требует мастерства, самообладания, это профессия, в которой нет места эмоциям. В отчете я составила далеко не полный список таких профессий. Обычно подобными людьми владеют импульсы, когда они переходят к действию, что заставляет их совершать ошибки. Но не в нашем случае. Он отлажен, как швейцарские часы, и следует строго по рельсам. Промежутки между похищениями позволяют ему не попасться, «напряжение» успевает упасть, равно как и «внимание». Это и делает его

особенно опасным. Будьте уверены, его машина в идеальном состоянии, а место, где он держит детей, абсолютно укромно и звуконепроницаемо. Живет он скорее в деревне, чем в городе.

– Почему?

– Потому что сегодня мы живем в мире, где все на виду, под наблюдением видеокамер. Сколько вы получаете в день звонков от людей, убежденных, что их сосед – Фредди? Человек, который живет один и выгружает слишком много продуктов из багажника, подозрителен в глазах соседей, как и тот, кто выходит из дому по ночам. Я живу в доме на окраине маленького городка, и на днях сосед постучался ко мне, потому что мои ставни были еще закрыты в десять часов утра, тогда как обычно я открываю их около шести. Он хотел убедиться, что все в порядке и что я... не уснула навечно. Кроме шуток, я хочу сказать, что при масштабах нашего дела и количестве похищенных детей Фредди был бы заснят, изобличен, все, что хотите. Но он не мог бы свободно действовать так долго.

Абигэль заглянула в свои записи и вернулась к аудитории.

– Последний важный пункт. Вы получили это послание сразу после первого похищения: «Будут еще трое. Ни одним больше, ни одним меньше». Эксперты, безусловно, опознали почерк Алисы. Фредди заставил ее написать это, чтобы мы приняли его всерьез, чтобы показать нам, что судьба девочки в его руках. Он хочет, чтобы мы интересовались им, чтобы за ним гонялись.

– Он хочет тяжелой артиллерии, – обронил Фредерик Мандрие.

– И он ее получит. Но пока он хитрее нас всех, вместе взятых.

Они проговорили еще не меньше часа, обсудив другие пункты расследования, которые Абигэль представила в новом свете. Она говорила о Фредди как о члене своей семьи. Ей нужна была эта близость, чтобы побороть своего демона, предмет своих кошмаров, того, кто вошел в ее дом – ее рассудок – и спал с ней рядом всякий раз, когда она ложилась одна в свою постель. Парадоксальным образом он был также первым встречным из булочной или супермаркета. Силуэтом без лица. Членом анонимной семьи. Семьи «Чудо-51».

Это название команды, «Чудо-51», предложила Абигэль. *Чудо* – потому что первую пропавшую девочку звали Алисой, и она, четырнадцатилетняя блондинка с голубыми глазами, очень симпатичная, походила на Алису Льюиса Кэрролла; *51* – потому что она была признана пропавшей без вести в департаменте Марна², в нескольких километрах от Реймса. Название команды, как и неофициальное название дела, должно было затрагивать какие-то эмоции сыщиков, в противовес Фредди. Так они думали об Алисе постоянно и ощущали привязанность к ней. Считали ее в каком-то смысле своим ребенком.

Психолог попрощалась с жандармами и посмотрела на часы: они с Леа могли успеть на автобус в 12:22 до центра Лилля, чтобы пообедать и пройтись по магазинам. Прослушивая сообщение своего отца, Абигэль присоединилась к дочери, которая уже извелась от ожидания. Трубку она повесила с досадой. Она ничего не сказала Леа, но у нее была масса планов на уик-энд: кино, жареный арахис на лилльской Гран-пляс, колесо обозрения, Музей естественной истории... Из-за этого звонка все планы рушились.

– Мне очень жаль, но шопинг не состоится, моя Жемчужинка Любви.

– Ты что, мам?

– Твой дедушка выехал сегодня рано утром из Этрета, он приедет к трем. Он хочет отвезти нас на уик-энд в Сентер-Парк³. Как ты на это смотришь?

Леа широко улыбнулась, открыв металлические брекеты.

– Сентер-Парк? Гениально.

² Почтовый индекс департамента Марна – 51.

³ Сентер-Парк (Center Parcs) – сеть расположенных в различных живописных уголках Европы парков с бунгало и коттеджами, предлагающих новую концепцию активного отдыха на лоне природы. В данном случае герои направляются в аквапарк «Труа Фор», Аттиньи (Мозель).

– Да, гениально. Пер Ноэль возвращается...

5

Странные фотоколлажи, подписанные Абигэль Дюрнан, – вот что видел в первую очередь тот, кто входил в ее кабинет, маленькую комнатку в мансарде, смежную с ее спальней. Каждая из них была результатом десятков часов работы, цифровой обработки снимков из банков данных, монтажа, вырезания, склеивания. Они висели на стенах, заключенные в рамки. Безумные, кошмарные фрески. Женщина без рук, с собачьей мордой, с ногами, изломанными на манер пазла, горела в грозе, точно огненная птица. Близнецы-альбиносы с перламутровыми лицами и гладкими белыми волосами, усеянные шрамами от гвоздей, от бритвы, парили над поверхностью воды, черной, как отработанное масло. Чуть дальше, в углу, гигантская тень здания, исхлестанного дождем, то ли усадьбы, то ли старой психиатрической больницы, пронзенная огромными мечами и молниями.

Вода, огонь, разломы, шрамы – всякий раз. Жизнь и смерть, слившиеся в пылком поцелуе. С игрой света и теней эти безумные творения леденили кровь и, казалось, были созданы психопатом. А между тем они являлись плодом работы мозга тридцатитрехлетней женщины, дипломированного криминолога и психолога, специалиста по уголовному праву, эксперта при судах Лилля и Дуэ. Страдающей водобоязнью – в море и бассейне – и нарколепсией.

В глубине этого логова, прикрепленные кнопками к прямоугольной доске над тиковым столом, висели фотографии детей. И это уже были не монтажи. Лоскутное одеяло из открытых улыбок, хрупких фигурок, детских поз. Вот девочка – Алиса – сидит у подножия маяка в Плуманаке, белые зубки и невинный вид под ярким солнцем. Вот мальчик – Артур, – в футбольной форме, под мышкой мяч с подписью Зинетдина Зидана. Срезы жизни, интимные моменты, которые в нормальном мире навсегда остались бы в семейном кругу. Но в этом декабре 2014 года никто не жил в нормальном мире уже давно, и Абигэль знала это лучше, чем кто бы то ни было. Этот кабинет, эти лица, книги о худших преступниках планеты, запертые на ключ шкафы, ломящиеся от дел одно другого страшнее, были тому вопиющими свидетелями.

– Уже три часа утра, Аби, пора. Леа нас ждет.

Абигэль сидела, уставившись на детские лица, которые знала наизусть, – Артур, с его белокурой прядкой и вздернутым, точно стружка, носиком, Виктор, с веснушками на высоких скулах и покатым лбом, Алиса, красавица Алиса, похожая на героиню сказки, – когда голос ее отца раздался гулко, словно из мегафона. Вот и доказательство, что она задремала, на грани сна и яви. Поворот головы. Ив стоял в дверях святилища, не смея войти. Он смотрел на сюрреалистические фотоколлажи, которые его дочь делала терпеливо – и не без таланта – вот уже несколько лет, воспроизводя жуткие сцены своих кошмаров.

– Бери свой чемодан, – сказал он, потирая плечи, словно желая согреться. – Поехали. Шале в Сентер-Парк забронировано с девяти часов.

За два года отец Абигэль изменился до неузнаваемости. Минус десять килограммов, впалые щеки, лысая голова, ни следа короткого ежика, который он носил в годы службы во французской таможне. В пятьдесят шесть лет он выглядел на все десять старше.

– Я не уверена, что это хорошая идея, папа. Ты свалился вчера как снег на голову, втемяшив себе, что мы должны поехать в этот Сентер-Парк или уж не знаю куда. Я работаю над важным делом и...

– С этим важным делом, насколько я понял, жандармы копаются уже годы.

– Не годы, папа. Девять месяцев. Ровно девять месяцев с первого похищения, малышки Алисы. Вот она на фото.

Ив посмотрел на портрет девочки и отвел глаза.

– Я прошу у тебя только уик-энд. Всего два денька. В понедельник утром ты будешь на работе, а я уеду. Хотя в этом ты не можешь мне отказать, верно? Немного времени с дочерью и внучкой, вдали от... всех этих лиц. Боже мой, Аби, как ты можешь работать в таком месте?

– Речь сейчас не о месте, где я работаю. Речь вот о чем: ты являешься, предлагаешь нам уик-энд, а потом опять пропадаешь на много месяцев. Когда ты служил в таможне, было то же самое. Ты просто исчезал, никогда ничего не объясняя.

– Я был на операциях и...

– ...и мы ждали тебя с мамой. Но теперь-то ты больше не на операциях. Видно, привычка – вторая натура.

Она прочла на лице отца такую боль, что прикусила язык: не стоило пререкаться с ним перед дорогой.

– Ладно, едем в Сентер-Парк. Леа рада, что ты приехал, и я, хоть и не показываю этого, тоже.

Она прошла в спальню и стала собирать чемодан. Не в пример кабинету, эта комната смахивала на интерьер морозильника. Белые стены и потолок, односпальная кровать посередине, голая лампочка, никакого убранства. В этой комнате она не спала, а уступала своей нарколепсии.

Она положила в чемодан, поверх детективного романа и рядом со своими лекарствами, тетрадь и ручку.

– Сказано же – никакой работы.

– Это не работа, это дневник. Точнее, тетрадь воспоминаний и снов. Идея моего невролога.

– Ты уже воплощаешь свои кошмары в фотографиях. Зачем еще и записывать их?

– Я тебе потом объясню...

Ив вздохнул:

– Твоя нарколепсия? Но ведь лечение дает результаты, разве нет?

– Давало десять лет. Мне еще хочется спать два-три раза в день, катаплексии случаются все реже, но... с недавних пор появились новые довольно тревожные симптомы. Наверно, придется скорректировать прием лекарств, дозы, молекулы.

Катаплексии были одним из главных симптомов ее нарколепсии. Они не имели ничего общего с желанием спать и проявлялись мгновенной потерей мышечного тонуса в любой момент дня и без потери сознания. Абигэль могла оживленно с кем-то беседовать – и в следующую секунду оказаться на полу, не в состоянии шевельнуться несколько минут. Хорошо хоть не в отключке. Это периодически возникало от любой ее сильной эмоции – радости, печали. Поэтому она избегала водить машину – особенно когда была с Леа – и пользовалась общественным транспортом, в основном автобусом и такси.

Из-за этих катаплексий детство ее было адом. В тринадцать лет она камнем пошла ко дну в море. Остановка сердца, выгибающееся под электрошоками маленькое тело, реанимация на пороге смерти. В пятнадцать в результате падения с велосипеда стальная трубка руля врезалась ей в горло, на два пальца левее гортани. В девятнадцать – перелом коленной чашечки. Необратимый. Падения, аварии, раны. Ее тело – спина, лодыжки, локти – излагало историю ее болезни в шрамах, переломах, металлических пластинах. В школьные годы к ней так и липли клочки: Самоделкин, Франкенштейн, Мисс Пазл.

К счастью, с лечением и новыми исследованиями по нарколепсии ее катаплексии стали реже, падения почти прекратились, с девятнадцати лет Абигэль смогла жить более или менее нормальной жизнью, учиться в Лилле, получить дипломы и в одиночку растить дочь. Леа родилась от ночной забавы с сокурсником, который не пожелал признать ребенка. Абигэль любила дочку. Леа... Ее вызов, лекарство, плод ее битвы, ее гнева. Кукиш нарколепсии.

Отец с дочерью присоединились к Леа в кухне, где та пила молоко. Они загрузили чемоданы в багажник черного седана, дрожа от лютого холода. В последний момент Леа убежала в дом и вернулась с потрепанным плюшевым черным котенком. С этой любимой игрушкой, подаренной ей матерью, когда она родилась, девочка никогда не расставалась, хотя теперь, на пороге отрочества, почти стыдилась ее. В такие моменты Абигэль успокаивала себя: дочь – ее большая Леа, стремившаяся поскорее вырасти, – оставалась ребенком.

Леа открыла замок своего розового в цветочках чемодана, сунула игрушку внутрь и заперла. Ключик она спрятала в карман.

– Ох уж эти подростки с их культом тайн, – улыбнулась Абигэль. – Думаешь, у тебя что-нибудь украдут?

Леа скорчила гримаску, поддразнивая ее, и села в машину. Абигэль надеялась, что этот уик-энд сблизит их с дочерью. Этот мерзавец Фредди хуже любовника. Она села рядом с отцом, который уже включил зажигание.

– У тебя левая передняя фара не работает.

– Ты скажешь своим коллегам-жандармам, чтобы арестовали меня за это?

Ив пытался шутить, но юмор таможенника сводился к анекдотам, над которыми смеялись только другие таможенники. Абигэль повернулась к дочери:

– Пристегни ремень, Жемчужинка Любви, милая.

Леа пристроила подушку между своей головой и дверью и поморщилась.

– Что это за «Жемчужинка Любви»?

– Это только наше имечко... Она терпеть не может, когда я называю ее так, и обижается. Влюбленный подросток, да и только.

Ив обернулся:

– Это правда?

– Чушь, – буркнула Леа. – Она сама не знает, что несет, как всегда.

Ив включил обогрев на полную мощность и тронулся. По дороге он открыл термос с горячим кофе, налил в пластиковый стаканчик и протянул его дочери:

– На, выпей капельку, согреешься. Ну и холодина...

Абигэль взяла стаканчик и посмотрела на отца:

– Что происходит, папа? С ума сойти, до чего ты изменился. Похудел, выглядишь усталым.

– Все в порядке.

– Почему ты ушел в отставку?

– А почему ты спрашиваешь меня об этом сейчас?

– Потому что раньше не было возможности.

– Мне было пятьдесят четыре года. Мне осточертела таможня, все эти операции, засады. Бороться с наркоторговлей – это пытаться вычерпать океан ложкой. И однажды это тебе... – Он не договорил, проглотив обиду. – Короче, из-за этой проклятой работы я не видел, как ты росла, а теперь... не могу пробиться сквозь твою скорлупу. У меня не получается с тобой сблизиться.

Абигэль заметила, что его руки на руле слегка дрожат.

– Мне хорошо в моем рыбацком домике. Море рядом, я отдыхаю, живу, как живется. Меня это, знаешь ли, устраивает.

– И ты все бросил всего за несколько лет до пенсии?

– Посмотрим, сможешь ли ты продолжать работать психологом, когда доживешь до моих лет. Во всяком случае, надеюсь, ты поймешь раньше меня, что в жизни есть дела поинтереснее, чем выслушивать жалобы людей и воевать с ветряными мельницами. Работай не работай, а преступления и наркотрафик будут всегда.

– Но я, по крайней мере, заложу свой камешек в постройку. Я буду полезна и, может быть, спасу несколько жизней.

Взгляд Ива скользнул к зеркалу заднего вида, в направлении внучки.

– Она так на тебя похожа. Мне кажется, я вижу тебя, когда ты была маленькой. Та же внешность, тот же характер.

Глаза Абигэль погрузнели. Отец это заметил.

– В чем дело?

– В последние несколько месяцев я прошла уйму тестов, обследований. Я не хотела тебе говорить, пока ни в чем не уверена, но... происходит что-то серьезное...

– Объясни.

– Время идет, и мои самые давние воспоминания стираются целыми кусками. В воспоминаниях детства уже масса пробелов. Я еще хорошо помню себя в тринадцать-четырнадцать лет. Но раньше – все размыто.

– Боже мой...

– Мой невролог считает, что это может быть побочным действием пропидола при долгом приеме, но она в этом не уверена, подобных случаев не наблюдалось. Как будто каждая капля этого снадобья разрушает частицу моего мозга, разъедает нейроны, как кислота, и бесповоротно отключает воспоминания. Мы ищем выход. Но пока мне нужно это лекарство, иначе у меня случается десяток катаплексий на дню, а я не могу так жить. Это одна из причин, по которым я записываю мои воспоминания и сны. Так я веду дневник своей жизни. Заношу на бумагу уходящие дни. На потом, если станет хуже, понимаешь?

Печаль отразилась на лице отца. Он предпочитал держать все в себе и избегал слов. Поэтому она тоже замолчала и уставилась на дорогу, с таким страхом перед будущим, перед этой непредсказуемой болезнью, угнездившейся в ее мозгу. Что мы без памяти, без воспоминаний, без всех этих лиц и голосов, которые были в нашей жизни? Лишь точка на кривой времени? Цветок, который расцвел, но без запаха и цвета? Неужели в пятьдесят лет она не будет помнить себя прежнюю? Забудет всю юность Леа? Беременность, роды, первые дни рождения? Она смотрела на свет фар, сравнивая себя с этой дорогой, освещенной на тридцать метров. Темный асфальт, где след стирался в темноте, по мере того как машина двигалась вперед.

Сев за руль, отец закатал рукава, – несмотря ни на что, Абигэль помнила, что он делал так всегда, зимой и летом, и она заметила множество следов от уколов на его руках. Это не вязалось с его наружностью воителя. Она предпочла промолчать, но пообещала себе все выяснить попозже, уверенная, что этот уик-энд был лишь предлогом и он тоже намеревался сообщить им что-то важное.

6

Около половины четвертого они покинули маленький городок Эллемм в департаменте Нор. Кристаллики льда висели на кипарисах и поблескивали на дороге. Курс на восток. Сен-тер-Парк находился в Аттиньи, в четырехстах пятидесяти километрах. В эту ночь Абигэль хотела бодрствовать как можно дольше и не взяла с собой раствор пропидола. Это лекарство, прописываемое очень ограниченно, было оксидом натрия, наркотиком, близким к гамма-гидроксипропану, снадобью, хорошо известному в ночных кругах и ассоциирующемуся с насилием. На каждый прием Абигэль растворяла пять капель в стакане воды, ни одной больше, ни одной меньше. От пропидола она «улетала» примерно на четверть часа, а действие его продолжалось от четырех до пяти часов. Принимая его дважды за ночь, она спала крепким живительным сном, и, главное, катаплексии случались у нее редко, не чаще одного-двух раз в неделю. Оставалась неудержимая потребность в микроснах, но и с этим она научилась справляться.

Немного погодя она ощутила, что звук мотора изменился. Они ехали уже не по автострате. Ив щурил глаза, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть. После сырого дня клубился туман, но на этой дороге хотя бы не было гололеда.

– Нужно заправиться. Мы не проехали и двадцати километров, но я предпочел свернуть, потому что на автострате ближайшая заправка в сорока километрах.

Абигэль взглянула на горящий сигнал: бензин кончался.

– Что? Мы проехали всего двадцать километров?

– Есть какой-то городишко в шести или семи километрах, там наверняка найдем открытую бензоколонку. Чертов туман. За одно это я ненавижу север.

В машине теперь было жарко, как в печи. Абигэль свернулась клубочком. Она сняла свои старые ботинки «Dос Martens», подобрала ноги под сиденье и, несмотря на ремень, стиснувший грудь, чувствовала себя хорошо, словно под пуховой периной. Сон давил ей на плечи.

Отец остановился на развилке перед треугольным желтым знаком «Дорожные работы». Мигала оранжевая лампочка, предлагая объезд. У Абигэль не было больше сил говорить – так хотелось спать.

– Город должен быть в четырех километрах, – сказал Ив. – Если ехать в объезд, не знаю, куда мы заедем.

– У тебя нет навигатора?

– Нет, терпеть не могу эти штуки. Ну и ладно. По ночам, я думаю, никто не работает.

Отец обогнул стоящий посреди дороги знак и свернул на пустынное шоссе, движение по которому было запрещено. Глаза Абигэль заморгали и широко раскрылись, когда она увидела нечто в свете фар. Это был сгорбленный силуэт, ростом с человека, с острыми ушами. Окутанный туманом.

– Тормози!

Ив резко ударил по тормозам. Потом наклонился к дочери:

– Что случилось?

Абигэль выскочила из машины в одних носках и посмотрела назад, морщась от ледяных заноз. Километровый столбик в красно-белую полоску торчал из травы на обочине, точно кельтская могила. На нем было написано «12». Ни следа странного силуэта. Голые деревья, растрескавшееся дорожное покрытие, мертвая тишина. Она обошла машину, не обнаружив ни малейшей вмятины, ни пятнышка крови. Ив вышел вслед за ней:

– Аби? Ты объяснишь мне?

– Ты ничего не видел? Никого?

– Нет.

Абигэль вернулась в машину и тяжело вздохнула, когда отец садился рядом.

– Можешь ехать.

Мотор фыркнул, и машина тронулась. Абигэль обернулась, чтобы убедиться, что с дочерью все в порядке, и удивилась, увидев, что Леа крепко спит. Она пристегнула ремень безопасности и услышала характерный щелчок, еще под впечатлением этой внезапной остановки.

– Я видела какое-то странное животное, как будто... лису, которая стояла на задних лапах. Это называется гипнагогической галлюцинацией. Вторжение образа из сна в реальность, если хочешь.

– Те самые новые симптомы, да? Вдобавок к слабеющей памяти? Черт побери, ты маешься своей нарколепсией с восьми лет. Почему же эта штука развилась у тебя двадцать пять лет спустя?

– Никто не знает, у моего невролога нет объяснения. Появление гипнагогических образов бывает у меня, к счастью, довольно редко. Когда я устала и засыпаю, они вдруг возникают передо мной. На днях я ехала в такси и испугалась, что шофер задавит женщину, катившую коляску. Он принял меня за сумасшедшую. Но сегодня в первый раз я видела какого-то монстра, то ли человека, то ли животное. Обычно это люди. Мужчины, женщины, кто в пижаме, кто в костюме с галстуком, переходящие дорогу.

– Как на некоторых твоих фотомонтажах?

– Да, точно...

Бывший таможенник ростом метр восемьдесят пять, с кирпично-красным лицом и огромными ручищами, который смотрит на вас, ничего не говоря... Абигэль захотелось оправдаться.

– Я не шизофреничка, папа, ясно? У других нарколептиков тоже бывают гипнагогические видения. Все хорошо. Ну относительно. Задним числом я сознаю, что эти образы и звуки – галлюцинации. Будь я на твоём месте сегодня ночью, я бы резко затормозила, потому что в тот момент, когда я вижу эти образы, я не сознаю, что засыпаю, и не могу знать, реальны они или нет. Я хочу сказать, кто-то, животное или человек, вполне мог бы перебежать перед нами дорогу. Ты понимаешь?

– Думаю, да. И это может случиться с тобой когда угодно? Днём, ночью?

– В основном ночью и когда я устала, как сейчас. Дело, над которым я работаю, вымотало меня. Можно быть нарколептичкой и валиться с ног от усталости. По коварству эта болезнь держит пальму первенства.

Лицо Ива оставалось серьёзным, глаза смотрели на дорогу. Его дочь так намучилась в прошлом, пока не поняли, почему она так часто падает, не диагностировали нарколепсию и не нашли правильное лечение. Специалисты, центры сна, терапии... А ведь было ещё непонимание людей, насмешливые взгляды одноклассников, когда она засыпала где угодно или падала наземь с застывшим взглядом, точно оглушенная рыба.

– Проклятая болезнь. Все это, должно быть, так тяжело. Черт побери, Абигэль, мне так жаль!

– Не надо...

Несмотря на недавнее происшествие, Абигэль широко зевнула, свинцовая тяжесть давила ей на затылок, кончики пальцев покалывало. Нарколепсия просыпалась, разливаясь в ней ядом. Молодая женщина не взяла с собой пропидол, но сон все равно решил ее похитить и пресек всякие попытки к сопротивлению.

– Через две минуты я усну, потому что мое тело так решило.

– Хочешь еще кофе?

– Я могу выпить цистерну, это ничего не изменит. Прости, папа, тебе придется проехать сколько-то километров одному.

Указатель бензина длинно пискнул.

– Если только бензин не кончится раньше, – добавила она. – Ты можешь пристегнуть ремень Леа, когда остановишься? Я заметила, что она его сняла. И не уверена, что продержусь до тех пор.

– Не беспокойся, все сделаю.

Абигэль пыталась держать глаза открытыми. За окном туман выползал из леса языками игуан. Вверху шелестели ветви, все дальше затягивая машину в бездну тьмы. Молодая женщина спросила себя, где они находятся и в каком направлении едет отец. Мозг ее работал теперь замедленно, словно укутанный в вату. Она видела только белые полосы, уносящиеся назад под седаном, дорожные знаки, предупреждающие о диких животных на дороге, и длинную прямую линию. Он, должно быть, поставил диск: его любимая песня *California Dreamin'* заполнила салон. Абигэль столько раз ее слушала, что знала наизусть. И это тоже она, наверно, однажды забудет... *I stopped into the church, I passed along the way*⁴.

Звуки мелодии казались все более далекими, теряясь в лабиринтах подсознания. Ее веки весили тонны, глаза она открывала теперь урывками, пытаясь продержаться хотя бы до заправки, но змей нарколепсии уже разинул пасть, чтобы проглотить ее.

Она сфокусировала взгляд на тени метрах в двадцати впереди. В глухом лесу, на этой ремонтирующейся дороге, стояла машина. Ив быстро проехал мимо припаркованного на обочине фургона. На миг очнувшись, Абигэль посмотрела на черный «кангу» с погашенными фарами.

– Кажется, у этой машины проблема. Почему ты не остановился?

Ив не ответил, да Абигэль и не ждала ответа, будучи во власти большого змея. В своем оцепенении, в то время как все ее тело боролось со сном, она скорее угадала, чем увидела вырисовывающийся прямо впереди изгиб. Голоса певцов сливались в хор, музыка убаюкивала. *Oh, California Dreamin' (California Dreamin')*.

Последнее, что увидела Абигэль, прежде чем рептилия сомкнула свои челюсти, были черные стволы, вздымающиеся на вираже, всего в нескольких метрах.

Столкновение было неизбежно.

⁴ Я остановился в церкви, я пошел вдоль дороги (англ.).

7

Абигэль Дюрнан проснулась внезапно и едва не вскрикнула.

Отъезд среди ночи, поиски бензина в глухом лесу, потом авария. Каждую деталь кошмара она помнила в точности. Надо было поскорее записать историю в тетрадь. Когда в глазах перестало мутиться, она различила белые стены, подвешенный под потолком телевизор, маленькое окошко рядом...

И сразу ощутила запах антисептиков.

Абигэль не понимала, почему она оказалась в больничной палате. Едва она привсталала в постели, как дверь открылась и вошла женщина лет сорока в белом халате, с коротко подстриженными пепельными волосами.

– Здравствуйте, мадам Дюрнан, я доктор Летисия Либер. Сегодня суббота, шестое декабря две тысячи четырнадцатого года, одиннадцать часов пять минут. Вы в отделении травматологии больницы Роже-Салангро в Лилле.

– В... отделении травматологии?

– К нам поступает изрядная часть пострадавших в дорожных авариях. Как вы себя чувствуете?

– Хорошо, я... Как вы сказали? Пострадавшие в дорожных авариях?

Врач заглянула в листок, висевший в изножье кровати, и вернула его на место. Руки как кожа ящерицы, опущенные уголки губ, осунувшееся лицо слишком много работающего человека.

– Вы чудом уцелели. Кроме нескольких порезов от стекла на лице, легкой гипотермии и гематомы на груди, сканер не показал никаких внутренних повреждений. Мы также сделали рентген всего вашего скелета. В истории болезни записано, что у вас нарколепсия. Пришлось вычленить ваши старые переломы, пластины на правой и левой лучевых костях, протез колена, но мы не обнаружили ничего недавнего. Ваши кости и связки явно выдержали этот удар.

Абигэль провела руками по скулам, по лбу, ощутила повязки, боль от каждого нажатия на кожу. Она дотронулась до своего запястья: часов не было.

– А вот они разбились, – сказала врач. – Не работают, но мы можем их вам вернуть, если хотите.

Абигэль повернула голову к коридору, откуда доносились голоса, угадала силуэты за приоткрытой дверью.

– Моя дочь и мой отец... Где они?

Врач глубоко вздохнула:

– Они не выжили в аварии. Мне очень жаль.

Абигэль не понимала, что говорит ей эта женщина и что она сама делает в больнице. Да, она видела этот странный сон, но...

Босиком, в халате, она вскочила и прижала руку к пылающей груди. У двери она наткнулась на жандарма Фредерика Мандрие еще с одним коллегой в форме. Серые, свинцовые лица. Просто похоронные физиономии.

– Фредерик, что происходит? Где они?

Не дожидаясь ответа, она пробежала мимо них и понеслась по коридору, заглядывая в соседние палаты. Разбитые лица, мумии с ногами в лубках, знакомая песня. Ей казалось, будто она парит над полом, ее тело двигалось на автопилоте. Наверно, ей что-то ввели: демерол, кодеин, морфин...

– Папа? Леа?

Медсестра вежливо, но твердо загородила ей дорогу. Нет, решительно она ничего не понимала. Когда она обернулась, Фредерик обнял ее и крепко прижал к себе, ничего не говоря.

Желудок скрутило, все органы сорвались с цепи, но что-то мешало ей отдаться горю. Этот коридор, эти каталки, эти калек, все, что ей говорили, не могло быть правдой, просто очередной кошмар, злое порождение ее рассудка во сне. Она высвободилась, в полузабытии вернулась к кровати, села на матрас и уставилась на Фредерика.

– А... авария? Что... что случилось?

Жандарм в форме, который был с Фредериком Мандрие, подошел ближе. Он скользнул глазами по круглому шраму на ее шее – этот кружок притягивал взгляды, как магнит, – потом смущенно посмотрел на нее.

– Я капрал Бартели. Мы получили вызов в жандармерии Сент-Амана в 6:35 сегодня утром. Рабочие, производившие работы на закрытом участке шоссе Д151 сообщили о серьезной аварии на вираже в трехстах метрах от двенадцатого километрового столба. Пожарные и «скорая помощь» уже были на месте, аварийная бригада тоже вскоре прибыла. Машина, черный «вольво» с номером семьдесят шесть, судя по всему... – он помедлил, – врезалась в дерево, перевернулась и натолкнулась на другой ствол, дальше в лесу.

На этот раз Абигэль почувствовала, как прорвало шлюзы. Горячие слезы потекли по израненным щекам. Жандарм мялся. Он покосился на Фредерика, прежде чем продолжить.

– Вас нашли лежащей без сознания в куче листьев метрах в пяти от машины. Ваше лицо было в крови, но вы дышали и были немедленно доставлены в больницу.

– Мой отец... Моя дочь...

Фредерик подошел и принял эстафету. Голос его срывался от волнения.

– Информация дошла до меня, когда узнали имя водителя. Ив Дюрнан... Я помчался туда, Абигэль. И... я видел, что осталось от машины...

Он опустил голову, несколько секунд смотрел на свои ботинки, потом вновь обратился к молодой женщине:

– Ты хоть что-нибудь помнишь об аварии?

– Нет, нет...

– Аварийная бригада сейчас пытается восстановить обстоятельства драмы. Жандармы думают, что... что Ив вылетел через ветровое стекло; его тело лежало под деревом. Что до Леа, она... – глубокий вздох, – пролетела через всю машину с заднего сиденья. Машина была старая, без подушки безопасности. При ее состоянии ты не могла выйти сама после аварии. Пока никто не может понять, как ты оказалась снаружи, почти невредимой.

Казалось, будто он говорит азбукой Морзе. Звуки отдавались в голове Абигэль ударами молота.

– У тебя нет перелома черепа, только несколько порезов от стекла на лице. Тебе повезло, что ты не врезалась ни в какое препятствие и приземлилась на относительно мягкую почву.

– Повезло...

Абигэль скорчилась на кровати и сильно задрожала. Потом вдруг вскочила, пошатнулась и хотела выбежать в коридор, но на этот раз врач ее не пустил. В ответ на ее внезапную агрессивность и крики подоспевшая медсестра сделала ей укол в руку. Через несколько минут она видела лишь смутные силуэты, тени, мелькавшие в ее поле зрения, слышала чьи-то слова и не понимала их.

Леа... Папа... Оба погибли...

Когда она пришла в себя, свет сменился сумраком. В палате стояла влажная жара, как в джунглях, а на оконном стекле оседал иней. Лепестки льда раскрывались один за другим, точно проклятые цветы. Сколько раз всплывала она вот так, когда была моложе, в таких же палатах после нескончаемых хирургических операций? Ее память уже все забыла, но тело помнило.

Фредерик сидел рядом, свесив большие руки между колен. Его короткие темные волосы, обычно так хорошо причесанные, торчали во все стороны. Он о чем-то размышлял, скользя

взглядом по линиям стыков между обоями. Абигэль привстала и несколько долгих секунд смотрела на него, ничего не говоря.

– Все это неправда, Фредерик. Скажи мне, что это неправда, что с ними ничего не случилось.

Жандарм встал и подошел к окну. Он мог смотреть на трупы, присутствовать при вскрытиях. Смерть во всей своей неприкрытости его не пугала. Но горе людей, эта бездонная пустота, разливающаяся в их глазах после драмы... этого он вынести не мог. Абигэль не была сегодня психологом. Не была ни матерью, ни дочерью. Лишь несчастной жертвой в мире, превратившемся в руины.

– Прокурор открыл следствие, его ведет Паскаль Пальмери из аварийной бригады Сент-Амана. Я хотел бы, чтобы ты ответила на несколько вопросов. Чтобы ты... помогла нам понять, что произошло. Это очень важно.

Она кивнула, не разжимая губ. Сердце ее было разбито, по образу и подобию ее костей.

– Итак, вы были на пути в Сентер-Парк. И оказались на этой дороге среди лесов, в зоне, где запрещено движение.

– У нас кончился бензин, папа свернул с автострады. Он хотел... не знаю, добраться до ближайшего города. Я почти спала, плохо соображала. Была эта развилка, папа не хотел делать крюк.

– Значит, он все же свернул, несмотря на предупреждающий знак. Решил, что проедет, потому что на дворе ночь. А что потом? Животное? Другая машина?

– Я не помню, все расплывчато. Этого не может быть, Фредерик...

Ее снова накрыло. Фредерик подошел, погладил ее по голове. Но тут же отдернул руку.

– Это важно, Абигэль. Никакого представления, почему вы не вписались в вираж?

Абигэль не ответила, мысли растекались, как чернильные лужицы. От слез болела голова. Эта ночь отсекла от нее две трети ее плоти, ее существа. Сирота и бездетная. Бесплезная точка, искра жизни, затерянная меж двух миров.

– Абигэль, послушай меня хорошенько. Вас было в машине трое.

– Нас было трое. Нас трое... Папа, Леа и я.

– Ив, Леа и ты. Ты едешь с человеком, который двадцать пять лет проработал на таможне, который способен вспылить, если автомобилист не включил поворотник, и никто из вас не пристегнул ремень безопасности?

– Леа спала, она сняла его, чтобы было удобнее, но мы собирались ее пристегнуть на заправке. Кажется... папа пристегнул ремень.

– Тебе кажется или ты уверена?

– Почему бы он его не пристегнул? Он сам всегда говорил мне, чтобы...

Она помотала головой и надолго замолчала, прежде чем продолжить.

– Я ремень пристегнула. В этом я уверена.

– Тебя бы не выбросило из машины, если бы ремень был пристегнут.

Абигэль обхватила голову руками и мучительно напрягла память. Она помнила, как появился этот силуэт, то ли человек, то ли животное, посреди дороги, как она обошла машину, чтобы убедиться, что это странное существо было лишь галлюцинацией. Но действительно ли она пристегнула ремень, когда снова села в машину? Несмотря на полный череп гвоздей, она попыталась вновь увидеть всю сцену. Лес, холод, фары. Спящую на заднем сиденье Леа. Да... Она помнила, она еще слышала щелчок ремня. Она действительно накинула его и пристегнула, в этом никаких сомнений.

– Я вся переломана из-за падений, ни одной целой косточки внутри, хуже пазла. А тут машина врезается в дерево, а у меня ни царапины? Этот ремень я пристегнула, я уверена. Все, что случилось, ненормально. Где Леа и мой отец?

– В Институте судмедэкспертизы. Ими займется мой брат.

Институт судебно-медицинской экспертизы находился в нескольких километрах, недалеко от въезда в Лилль, у ответвления автомагистрали. В каком-то смысле это был второй дом сыщиков из отдела розыска Вильнёв-д'Аск.

– Я еду туда.

– Нет, это плохая идея. Они неузнаваемы и...

– Ты не понимаешь? Я должна их увидеть.

Он удержал ее за руку, когда она уже готова была покинуть палату, несмотря на запрет врача.

– Ты босиком и в пижаме. На улице минус пять. Дай я хотя бы привезу тебе одежду и поеду с тобой.

8

Абигэль замерла, переступив порог Института судебно-медицинской экспертизы. Трупный запах оказал действие электрошока, внезапно заставив ее понять, что ей не снится кошмар. Потому что время длилось, потому что события сменяли друг друга логически, неумолимо, подобно падающим одна за другой костяшкам домино. Потому что она все сознавала. Все, абсолютно все до мелочей было связано.

– Значит, это правда... Все правда. Они умерли, Фредерик?

Она ухватила руку за стену, голова плыла.

– Ты не держись на ногах, мы сделали глупость, что приехали сюда, – ответил Фредерик. – Вернемся в больницу. Там тобой хорошенько займутся, ладно?

– Я хочу их увидеть... Моя девочка... Моя Леа... Ею займется твой брат, ты мне сказал. Это хорошо... Хорошо, что это будет он.

Фредерик понял, что ему ее не переубедить. Железный прут так просто не согнешь.

– Он во втором зале со следователем. Я предупредил их, что мы зайдем. И пересказал Пальмери все, что ты рассказала мне об обстоятельствах аварии.

Абигэль нашла в себе мужество выпрямиться и шагнуть в старый коридор, сумрачный и серый, без окон, похожий на туннель, разделявший два мира – мир света и мир тьмы.

Николя Тевенен, служитель морга, ждал их перед тамбуром. Крепыш лет тридцати, в очках в прямоугольной оправе, с узенькой бородкой и очень близко посаженными черными глазами. Он встречал и провожал трупы, отвечал на запросы судмедэкспертов. Привратник смерти, проводивший больше времени с мертвыми, чем с живыми. Абигэль встречала его иногда, не замечая, но на этот раз подняла на него взгляд, ища капельку надежды, проблеск доброжелательности. Он принял тела ее близких из рук похоронной службы. Наверно, убрал их на несколько часов в ящики морга, как пару старых башмаков в шкаф. Она искала поддержки, но прочла в его глазах лишь привычную холодность. Да было ли у этого типа сердце?

Тевенен открыл дверь:

– Доктор Мандрие вас ждет.

Он молча провел их в зал вскрытий, где было почти так же холодно, как на улице. Пахло смертью, разлагающейся плотью, содержимым желудка. Эрман Мандрие как две капли воды походил на своего брата Фредерика, только на пять лет старше. Глубокая морщина перечеркивала его лоб, точно памятка об ударе ножа. В свои сорок лет он был одним из двух судмедэкспертов, работавших в этом обветшалом институте, в залах вскрытий из прошлого века. На этот раз лицо его было раскалено добела, губы тонкие, как лезвия скальпеля. Рядом с ним стояли еще двое, прямые, будто кол проглотили: аджудан Паскаль Пальмери, руководивший следствием, и один из его коллег. Прежде всего оба выразили Абигэль сочувствие и поддержку.

Она застыла в дверях, свесив руки вдоль тела. Ей были знакомы эти пропахшие смертью места, она всегда изъявляла желание по мере возможности присутствовать при вскрытиях, связанных с ее делами. Ей даже случалось здесь шутить, смеяться, чтобы снять стресс, потому что эта сука смерть не дает так запросто смотреть себе в лицо и порой надо иметь очень крепкие кишки.

Посреди зала на металлических столах под синими простынями лежали два тела, большое и поменьше. Хирургическая лампа над ними оставляла мало места тени, разве что в складках ткани. Этот избыток света резал глаза, и было в нем что-то неуважительное.

Два шага вперед... Абигэль случалось присутствовать при опознании тел, последнее было не далее как в прошлом году. Сцена до сих пор стояла у нее перед глазами: она молча стоит в углу и смотрит на мужчину, который идет к столу, чтобы опознать свою жену, чье изувеченное тело было найдено на дне канала де ля Дёль. Было чувство, что она вторгается в его

интимное пространство одним своим присутствием. Такие моменты нельзя ни с кем делить, а сегодня это выпало на ее долю. Что она делает в этой дыре с трупами? Еще вчера вечером Леа выбирала, какие брюки взять в Сентер-Парк.

Почему она не пристегнула ей ремень безопасности? Она пристегнула свой, его щелчок она помнила с уверенностью. Почему же она оказалась не способна защитить дочь?

Судмедэксперт обошел стол и направился ей навстречу:

– Я должен предупредить: удар был исключительно силен.

Его голос звучал не так, как в другие дни, куда менее уверенно, и Абигэль услышала, как он вздохнул за ее спиной. Она уставилась на простыни, туда, где должна была находиться голова ее отца. Взялась рукой за верхний край и приподняла. Ужас. Кровавое месиво, усеянное стеклом и металлом, – она невольно отвела глаза. Через несколько секунд судмедэксперт вернул простыню на место и показал на маленькие трубочки в опечатанных пакетиках, лежавшие на лабораторном столике в стороне. Некоторые были закупорены фиолетовой пробкой: для токсикологии.

– Хотя опознание и затруднительно, наука, безусловно, установит их личности. Я взял пробы клеток изо рта в присутствии аджудана Пальмери и капрала Лебона, которые передадут мазки в лабораторию научной полиции для сравнительного анализа ДНК.

– В багажнике машины было три чемодана, – вмешался Пальмери. – Ваш, вашего отца и вашей дочери, я полагаю.

Перед глазами Абигэль стояла Леа, улыбалась ей, сердилась, торопила ее. Калейдоскоп образов и звуков, словно из потрескивающего телевизора где-то в глубине ее мозга.

– Нужно, чтобы вы поскорее подтвердили, что багаж принадлежит вам. Потом мы откроем эти чемоданы и возьмем ДНК с их зубных щеток или расчесок для сравнения с ДНК этих мазков, взятых с тел. Простите за бюрократизм в такой момент, но идентификация затруднительна из-за силы удара, а мы должны быть уверены в том, кто они такие.

Он достал из кармана пакетик с маленьким ключом.

– Этим ключом открывается розовый чемодан в цветочек. Мы нашли его в кармане куртки... – Он кивнул на вторую простыню. – Вам, разумеется, вернут эти чемоданы со всем их содержимым.

Другие картины: Леа прячет в карман ключ от розового чемодана, убрав туда плюшевого котенка. Судмедэксперт отвел ее к противоположному концу первого стола, где лежало большое тело, где она приподняла простыню.

Папа.

– На нем были брюки из серой фланели, черный ремень «Хьюго Босс» с золотой эмблемой на пряжке, – начал перечислять судмедэксперт, – голубая рубашка, пара...

– Да, да, на нем все это было, – перебила его Абигэль. – Этот ремень я сама подарила ему еще давно. Он зарабатывал не так много, но всегда любил красивые вещи. Он тогда еще работал в таможне и...

Судмедэксперт протянул ей зажигалку «Зиппо» с выгравированной на ней шахматной фигурой: слоном.

– Я подумал, что тебе бы хотелось ее получить. Она была в его кармане.

Абигэль повертела зажигалку с ощущением, будто сжимает льдинку. Ее отец никогда с ней не расставался. Он выгравировал слона, потому что был сильным игроком в шахматы, а ее между тем так и не научил играть. Она приподняла простыню, на этот раз снизу. Только одна нога была обута в кожаный сапог. Отец, этакий феодальный судья, такой прямой в этих сапогах, которые он так любил... Она подняла простыню до торса, снова увидела следы укусов на израненных, окоченевших руках. Ткань, казалось, обожгла ей пальцы, она выпустила ее, глаза снова заволокло слезами.

– Это он, мой отец. Ив Дюрнан.

Всем в зале хотелось покончить с этим как можно скорее. Тишина, нарушаемая шорохом ткани и урчанием вентиляторов, билась в висках.

Абигэль шагнула ко второму столу и застыла перед простыней. Она почувствовала, что не сможет ее приподнять. Такой нелогичный, такой бесчеловечный жест. Эрман Мандрие подошел к ней и встал рядом:

– Хочешь, я это сделаю?

– Пожалуйста...

Судмедэксперт повиновался. Длинные светлые волосы обрамляли разбитое, неузнаваемое лицо. Негатив ствола дерева. Абигэль снова не смогла вынести эту пучину ужаса. Она отвернулась и поймала взгляд, которым обменялись Фредерик с братом. Жалость прямо-таки сочилась из всех пор их кожи.

– У нее был отличительный знак на правой лодыжке, – сказала Абигэль. – Маленькая временная татуировка, черно-белая, кошка. Она потребовала это на свои тринадцать лет. Я, вообще-то, была против, но эта татуировка должна была исчезнуть через несколько недель. И потом, я решила ее побаловать, мою девочку. У ее подружек были татуировки, и... она так любила кошек. О боже мой...

Абигэль прижала кулаки ко рту. Каждый вздох разрывал ей грудь. Она направилась к другому концу стола и тихонько приподняла простыню, открыв две голые ноги. Ножки девочки, белые, как тальк. На правой лодыжке была вытатуирована маленькая кошка с черно-белыми ушками.

Абигэль почувствовала, как ослабли ее мускулы, и рухнула на пол.

9

Два часа спустя Фредерик вышел из больницы Салангро и вернулся к аджюдану Пальмери, курившему легкую сигарету перед Институтом судебно-медицинской экспертизы. Двое жандармов не были знакомы, их бригады отстояли друг от друга на три десятка километров. С короткими седеющими волосами, маленький и подвижный, Пальмери был известен среди своих как Бип-Бип. Кличку эту он всегда ненавидел.

– Что нам это дает?

Закутанный в толстую куртку-бомбер, Фредерик снял кожаные перчатки и тоже закурил. Потекший в горло смолистый дым даже не успокоил его. Он слишком много курил, его отец и дед умерли от рака легких, и все его наследство сводилось к этому окаянному бычку, прилипшему к губе, точно язва.

– Она уснула, они накачали ее успокоительными и ждут психолога.

– Психолог лечится у психолога... это из тех дурацких вопросов, которыми я вечно задаюсь. Врач, например, выслушивает сам себя? А дантист ходит к дантисту?

Несколько секунд он смотрел на пламенеющий кончик своей сигареты.

– Сигарета горит сама по себе... Ладно, короче, все это очень печально. Паршивый денек, а?

– Ужасный, вы хотите сказать.

Время близилось к десяти часам, было темно, как в шахте, ветер северных равнин пощипывал пальцы и уши. Вдали можно было различить ответвление автомагистрали и холодильные склады. Бетон, металл, холодное мясо повсюду. Бездушное, угнетающее место. Подходящее в конечном счете к случаю.

Пальмери выдохнул дым через нос.

– Будь она хоть сто раз психологом, ей будет трудно это пережить. В такие моменты мы – никто. У нее есть родные, кто бы мог ее поддержать?

– Никого. Ее мать давно умерла, болела, она единственная дочь.

Пальмери смотрел, как тают в воздухе серые клубы.

– Много я видел аварий; с травмами выживших, пожалуй, труднее всего работать.

– Синдром выжившего... Чувствуешь себя виноватым, что живешь, вспоминаешь последние часы, последние минуты, снова и снова, пытаешься выработать сценарии, которые позволили бы избежать драмы. «Если бы мы выехали на две минуты позже...», «Если бы в этот день не было дождя...», «Если бы я заменил проклятый поворотник» или «Если бы мы не поехали по этой чертовой ремонтирующейся дороге».

Фредерик уже думал о ближайших днях. Настоящие вехи ужаса. Как будет жить Абигэль одна у себя дома? И потом, через три недели Рождество. Радостный праздник, когда большинство семей собирается вместе.

– Абигэль не просто коллега по работе. Она дочь человека, который однажды спас мне жизнь.

– Ив Дюрнан... Бывший таможенник, да?

– Да, он работал в УТО, Управлении таможенных операций. Специализировался по наркотрафику. В кабинете не сидел, участвовал во многих операциях. Знаете, эти крутые картели, которые завоёвывают все большую территорию во Франции... Я думаю, он устал, бросил все два года назад. Он мне никогда этого не говорил, но наверняка денежки у него были отложены. Просто так за два года до пенсии работу не бросают.

– Пресловутая таможенная конфискация... Машина, движимое имущество, наличные, припрятанные под матрасом... А как он спас вам жизнь?

Фредерик все помнил, как будто это было вчера. Двенадцать лет назад службы УТО вызвали команду из двух жандармов для простого обыска на дому, километрах в десяти от порта Дюнкерк. Таможенники подозревали, что человек по фамилии Шамбер выращивает у себя коноплю и толкает ее дальнобойщикам на автостоянке автострады А25. Ничего особенного. Рутинный визит на старую ферму. Фредерик работал тогда в маленькой бригаде близ Вормута, городишки километрах в шестидесяти от Лилля. Грошовая зарплата. Первое оружие. Встреча силы и опыта, наркотрафик, с одной стороны, и молоденький начинающий жандарм – с другой.

Ив Фредерика впечатлил. Весь из мускулов и жил – настоящий буйвол прямиком из Танзании, – много на своем веку повидавший и знавший, куда наносить удар. Из тех, кому не надо слов, чтобы его поняли. Четверо мужчин заколотили в дверь, Шамбер не оказал сопротивления и впустил их. Фредерику было поручено проследить за подругой наркодельца, которая валялась под кайфом на диване, а его коллега-жандарм и таможенники тем временем осматривали теплицу с обогревом и освещением, где росла сотня побегов конопли. Хорошенькая фабрика грез.

Понадобилась доля секунды, чтобы подружка выхватила пистолет, припрятанный между подушками, – MR73 со стертым серийным номером – и с первого выстрела попала Фредерику в плечо, задев кость. В следующую минуту пуля, вылетевшая на скорости триста пятьдесят метров в секунду, раздробила бедро подоспевшего Ива. После чего девушка рухнула, сраженная пулей из револьвера Ива в голову. Ей было двадцать два года, и вскрытие показало четырехмесячную беременность.

– Три недели мы пролежали в больнице в одной палате, – закончил Фредерик. – Со мной все обошлось, а вот Иву вставили металлическую пластину в бедро. С тех пор мы с ним не расставались. У него было много знакомых, и три года назад, незадолго до своей отставки, он нашел мне хорошее место в лильском отделе розыска. Там, где его дочь регулярно подрабатывала экспертом по криминологии. Он взял с меня слово присмотреть за ней, если вдруг с ней что-нибудь случится. Я человек слова и постараюсь выполнить это обещание.

– Прекрасна и печальна эта ваша история.

Пальмери затыкнул в последний раз и загасил окурок в урне у входа.

– Ладно, вернемся к нашим баранам; я получил последние заключения моей бригады с места происшествия. Во-первых, шоссе Д151. Предельная скорость на нем девяносто километров в час, и оно перекрыто на два километра дальше аварии. Дорожные работы ведутся на участке в шестьсот метров. Асфальт снят, техника перегородила дорогу. Короче, если бы Ив ехал дальше, ему все равно пришлось бы вернуться назад.

– Печальная ирония судьбы... Как вы говорите, не сверни они на это шоссе...

– Спидометр показывает восемьдесят пять километров в час. Дюрнан чуть недотягивал до предельной скорости.

– Наверняка осторожничал из-за дорожных работ.

– Да, тем более что в этом лесу темно, хоть глаз выколи. Гололеда не было, но густой туман, по местным метеосводкам.

– Уже есть какие-то выводы?

– Нет еще. В этой истории не одна загвоздка. Во-первых, эксперты не обнаружили на месте аварии никаких следов торможения. Хотя на первый взгляд тормоза были исправны, экспертиза скажет об этом больше. Машина ехала прямо, не тормозя, в первое встречное дерево. И не маленькое дерево...

Фредерик прислонился к стене, держась рукой за лоб. После такого денька голова пухла.

– Может быть, он уснул за рулем? Или был слишком густой туман? Или отвлекся? Абигэль Дюрнан и ее дочь спали, они не могли его предупредить.

– Да, да, это вполне логичный вывод, тем более что из-за дорожных работ указатель поворота убрали. Может быть, он употреблял алкоголь?

– Ив? Он никогда не пил. Да и путь им предстоял неблизкий.

– Посмотрим, что покажут токсикологические анализы. Но есть и вторая загвоздка, посерьезнее: ремни безопасности. Вам часто встречались аварии, в которых ни один из пассажиров не пристегнул ремень?

– А ведь Абигэль утверждает, что ремень пристегнула. Она в этом совершенно уверена.

– Наши эксперты тоже совершенно уверены. Она думала, что пристегнула его, но это физически невозможно. Ее наверняка выбросило, ведь при том, как сплющило машину, выбраться после аварии она не могла. Она ошибается.

Тут вышел закутанный в толстую военного образца куртку служитель морга и направился к своей машине. Он поздоровался с ними коротким кивком. Пальмери посмотрел ему вслед:

– Не знаю, как держится этот парень. На прошлой неделе был пожар в пригороде Лилля. Загорелся многоэтажный дом, и десятка два тел были доставлены сюда, прямо в руки нашего служителя морга.

– Я знаю. Жандармы были на этом деле. Жертвы, отравившиеся угарным газом, сгоревшие... Взрослые, дети, даже целые семьи...

– Вы представляете себе его работу? Убирать трупы в ящики, доставать их оттуда, выгребать дерьмо после вскрытий...

Да, Фредерик хорошо это себе представлял, но порой их ремесло было немногим лучше. Он вернулся к их делу.

– Итак, Абигэль Дюрнан думает, что пристегнула ремень, но она этого не сделала. Возможно, она решила, что сделала это, она ведь наполовину спала. К тому же она страдает расстройствами сна, может быть, и это сыграло свою роль.

– Это как раз и приводит нас к третьей загвоздке.

– Что за третья загвоздка?

– Она, черт побери! Абигэль Дюрнан. Разрази меня гром, вы видели машину, как и я. Конфетти, да и только. Она врезалась в дерево на восьмидесяти пяти в час! На такой скорости все живое должно разбиться в лепешку. Как эта женщина могла отделаться несколькими порезами от стекла и гематомой на груди? Ни единой сломанной косточки, ни одной открытой ранки!

Пальмери взялся за ручку входной двери:

– Что-то в этом есть нелогичное. И конечно же, она ничего не помнит, даже самой аварии.

Фредерик нахмурился:

– Что вы хотите этим сказать?

– Я? Ничего. Но у эксперта по авариям, надо полагать, найдется объяснение. Во всяком случае, надеюсь, я уезжаю на той неделе на Антильские острова, три года не был в отпуске... Ладно, мне пора вернуться к вашему брату и моему коллеге. Терпеть не могу присутствовать на вскрытиях...

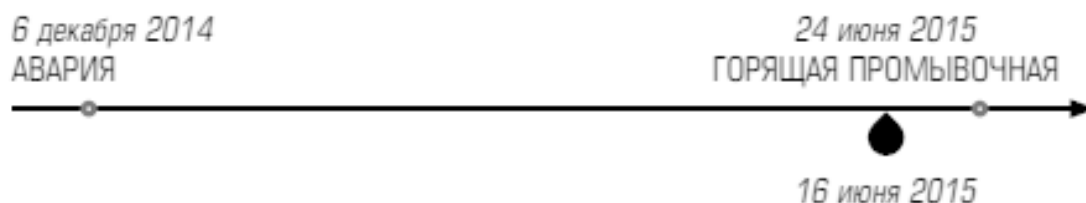
– Кто ж это любит?

Адюдан вымученно улыбнулся. Фредерик понял, почему его прозвали Бип-Бип. Зубы у него были такие мелкие, что почти не выступали из-под губ, и рот походил на клюв.

– Вы чертовски правы. Кстати, как ваше дело о троих пропавших детях, продвигается? Я слежу за прессой, но с некоторых пор нет ничего нового.

Фредерику хотелось ответить ему, что никогда еще они не сталкивались с таким трудным делом, что им остается только ждать, когда похититель проявится снова, и что, судя по его *модус операнди*, он должен похитить еще одного ребенка в ближайшие дни... но он лишь вежливо дернул подбородком и удалился. Он вернется домой, опрокинет большой стакан виски и будет жрать карамельное мороженое столовой ложкой, пока не выблюет все нутро в туалете.

10

Абигэль не знала, что в эту самую минуту она видит сон.

Во сне она шла по одной из узеньких, мощеных, слабо освещенных улочек, что уходят в горловину Старого Лилля. По обеим сторонам теснились бары, старые магазинчики и роскошные бутики, чьи железные шторы падали, точно хищные челюсти. Все казалось застывшим во времени, без жизни, без движения. Над головой полоска неба пробивалась между черепичными и цинковыми крышами зданий. Плыли облака, стремясь, казалось, все к одной точке.

Абигэль шла быстрым шагом, не решаясь обернуться, уткнув подбородок в воротник непромокаемого плаща. Одна в ночи, она миновала Музей разбитых тарелок, потом книжный магазин «Диагональ-151». В руках у нее была книга, роман «Четвертая дверь». Абигэль прижимала ее к себе изо всех сил, как самое драгоценное свое достояние.

Она свернула в проулок, такой узкий, что могла бы коснуться фасадов с обеих сторон, раскинув руки. Потом вдруг побежала так быстро, как только могла. Чьи-то чужие шаги застучали по мостовой. За ней гнался оборотень. Простецкое сооружение из дерева и металла, все в занозах, железных обломках, гигантских гвоздях. Его конечности крепились друг к другу грубыми заклепками, кусками веревки. Холстина, на которой были нарисованы злые глаза, нос, рот с тремя рядами острых зубов, моталась над плечами. В левой руке он держал ржавую косу. Бежал он быстро, рассекая воздух своим смертоносным орудием.

Шииии... Шииии... Шииии...

Абигэль вскрикнула и сосредоточилась на отрезке пути. У стены справа, прислонясь к ней боком, сидела девочка. Длинные светлые волосы, собранные в пучок, грязные руки, ссадины на коленках. У ног – комикс: *XIII⁵*. А лица нет. Только гладкая розовая поверхность, казавшаяся мягкой.

Девочка дала ей бумажку, на которой был написан код: 4–7–15–24. Абигэль сунула ее в карман и поколебалась долю секунды. Протянула руку:

– Идем! Идем со мной!

Но девочка без лица не двигалась. А оборотень приближался большими шагами, в дырявых башмаках, размахивая изогнутым лезвием. Могла ли Абигэль бросить малышку, оставить ее в лапах чудовища?

Книга была ценнее. Ее надо было сохранить во что бы то ни стало.

Абигэль побежала, свернула влево. Удар в правую лопатку наэлектризовал ее. Через ее плечо протянулась рука, пытаясь вырвать у нее книгу. Оборотень дышал ей в затылок, но застрял в узком проулке. Абигэль рванулась, ее плечи задевали фасады, оставляя на них клочья кожи. Протиснувшись боком, она побежала дальше, высоко задирая ноги. По мере того как она бежала, стены сближались. Вот ее уже стиснуло так, что она не могла повернуть голову, грудная клетка готова была взорваться.

Но оборотень тоже протиснулся боком и нагнал ее.

⁵ Серия комиксов бельгийского художника Жана Ван Хамме.

Она увидела, как лезвие приближается к ее горлу.

Абигэль внезапно открыла глаза и, всхлипывая, поднесла обе руки к шее.

– Что с вами, мадам? – спросил чей-то голос.

Длинная платформа тянулась вдоль окна, о которое стучалась голова Абигэль. В кресле напротив сидела дама лет шестидесяти с журналом в руках. Рядом стояли люди, укладывали багаж в секции.

Абигэль уснула в поезде. И сжимала в руках роман из своего сна, «Четвертая дверь». В него были заложены билеты до Кемпера. Она уже ничего не понимала. Ни малейших воспоминаний о том, как она садилась в скоростной поезд. Часы показывали 21:50.

– Когда отправляется поезд?

– С минуты на минуту. По расписанию.

Абигэль встала и посмотрела наверх.

– Вы не знаете, был ли у меня багаж?

– Вы уже спали, когда я пришла.

Она вышла на перрон. Свисток, поезд тронулся, в направлении через Ренн до Кемпера...

Что все это значило? Она крепко вцепилась в книгу. Откуда взялся этот томик? Как она попала на вокзал Лилль-Европа? И почему собралась в Кемпер? Ноги ее никогда не было в этом городке в бретонской глубинке.

Надо было успокоиться, навести порядок в голове. У нее могло быть объяснение этой бредовой ситуации. Единственно возможное. Присев на скамейку, она достала из кармана иглу в стерильном пакетики, которая всегда была при ней. Она воткнула ее в кожу между большим и указательным пальцем. Выступила капелька крови, словно пузырек реальности, что окончательно вывело ее из равновесия.

Кровь означала, что это не сон.

Фред наверняка мог ей все объяснить. Она поискала свой мобильный телефон, но тщетно. Где же ее сумка, документы? На нее напали? Ограбили? Ударили по голове, и она потеряла память? Она поспешила прочь с вокзала.

Китайские тени еще скользили по улицам города. Абигэль вышла на улицу Федерб, пересекла Гран-пляс, прошла часть Старого Лилля и свернула в тупичок в конце улицы Данель. Поднялась на четвертый этаж жилого дома. Вставила ключ в замочную скважину, но дверь оказалась не заперта.

– Фред?

Из другой комнаты доносилась музыка. Куртка ее друга лежала на подлокотнике дивана, негромко бормотал телевизор. Оставив книгу на журнальном столике в гостиной, Абигэль бросилась в коридор. Мелодия песни теперь звучала отчетливее. В горле встал ком. *He knows I'm gonna stay. Oh, California dreamin'.*

Музыка в салоне машины ее отца перед самой аварией. Боль скрутила живот, подступила тошнота. Слова пыточными инструментами врезались в плоть. Абигэль зажала руками уши и пошла дальше. Звук нарастал. Он шел из спальни. Абигэль вошла, увидела носки и джинсы Фредерика на полу. На кровати спиной к ней лежал, свернувшись клубочком, мужчина. Больше, крепче, чем Фредерик. Он спал и не слышал радиобудильника.

– Кто вы?

Абигэль подошла ближе. Слова застряли у нее в горле при виде крови на подушке. Изогнувшись над кроватью, она закричала.

Мужчина был недвижим, с застывшим взглядом, с перерезанным горлом.

Вдруг он открыл глаза и, улыбаясь, протянул к ней руку.

Это был ее отец.

11

On such a winter's day (California dreamin')

On such a winter's day

Абигэль открыла глаза, на этот раз по-настоящему.

В кровати, под одеялом.

Она глубоко вдохнула, словно вынырнув после апноэ *no limit*. Наволочка промокла насквозь. Фредерик, заворчав, хлопнул ладонью по радиобудильнику, игравшему на полную громкость *California dreamin'*. Посмотрел на часы и поморщился – семь часов, – еще в полусне. Слезы проложили соленые дорожки на щеках его подруги.

– Ты плакала?

Абигэль устала на своего друга, как смотрят на привидение. Она прижалась к нему со смесью облегчения и ужаса. Ей приснился очередной многослойный сон, из тех, когда кажется, будто ты проснулся, а на самом деле еще крепко спишь под теплым одеялом. И в этот сон естественным образом вписалась музыка, которую передавали сейчас по радио.

Ее пальцы пробежались по краям шрама на левом плече Фредерика.

– Во сне я проснулась в поезде от другого сна, в котором за мной гнался какой-то разболтанный оборотень. Потом я пришла сюда, в спальню. На твоём месте лежал мой отец. Ему перерезали горло в нашей постели, но он был жив. И опять улыбался. Он всегда улыбается в моих снах.

Абигэль мало-помалу возвращалась в реальность. Последние ноты песни группы «The Mamas & The Papas» еще преследовали ее.

– Мне невыносимо опять видеть тебя в таком состоянии, – сказал Фредерик.

Он ласкал ее еще несколько минут. У него были огромные, внимательные черные глаза. Абигэль любила пропадать в них. Она осторожно высвободилась, накинула халат на ночную рубашку и встала, расправляя затекшее тело.

Вот уже несколько недель она спала не в аквариуме с белыми стенами, а в славной комнате с обоями в черно-серую полоску, под зебру, и видела перед собой большие фотографии животных саванны. Здесь, у Фредерика, пахло Африкой, пыльной охрой, горячим песком, яростным разрывом с красными кирпичами Нора и сыростью его мостовых. Абигэль привыкла. Да и все равно она могла бы спать на гвоздях, пропидол усыплял ее мгновенно.

Носки и джинсы Фредерика валялись на полу, в точности как в ее сне. Вещи, их расположение, их состояние – все было совершенно идентично. Она кинулась в гостиную. Куртка ее друга прикрывала подлокотник дивана. Она до того отчетливо помнила, как вошла в эту дверь совсем недавно! Действие запечатлелось в ее памяти, как будто это было...

Реально...

Абигэль провела рукой по лбу. Образы продолжали сталкиваться, точно электрические частицы. Она вспоминала: девочка без лица с комиксом *XIII* на коленях, улочки Старого Лиля, погоня в проулках. Потом билеты до Кемпера, скоростной поезд... И книга... Та, которую она прижимала к груди. «Четвертая дверь».

Понимая, что это очередной плод ее воображения во сне, она порылась среди журналов и бумаг на столике в гостиной. Фредерик появился за ее спиной, потягиваясь, как кот.

– Что ты ищешь?

– Книгу, роман. Наверняка детективный. «Четвертая дверь», тебе это что-нибудь говорит?

– Ровным счетом ничего. Ты смотрела в шкаф?

Она кинулась к книжному шкафу, ломившемуся от всевозможных романов и трудов по криминологии. Абигэль всегда читала запоем и вновь пристрастилась к чтению через

несколько недель после аварии. Способ заполнить пустоту не хуже любого другого. Фредерик же регулярно продавал книги, чтобы освободить немного места и выручить денег, однако Абигэль все покупала и покупала.

Он ушел варить кофе в кухню, переоборудованную для жизни вдвоем – стол пошире, кастрюли побольше, – глядя, как она роется в шкафу.

– Эта книга была в твоих снах?

– Да, ее пытались во что бы то ни стало у меня отнять, а я прижимала ее к себе. Я шла с вокзала Лилль-Европа. Я принесла ее сюда и положила на этот столик. Может быть, эту книгу я уже читала. Я читаю так много, что никогда не запоминаю названий.

– А что ты делала на вокзале Лилль-Европа?

– Я оказалась в поезде на Кемпер. Я же тебе сказала, что проснулась от другого сна. В общем, это сложно.

Ей не хотелось вдаваться в подробности, ее многослойные сны были настоящими голололомками. Она села за письменный стол, поставленный для нее в углу гостиной. За монитором на стене висели рисунки, графики с расписаниями, карта региона с обозначенными маршрутами. Абигэль воссоздала эрзац своего прежнего окружения. Все вертелось вокруг аварии, произошедшей полгода назад, и дела Фредди. Справа от компьютера находились самые важные вещи последних недель, тоже так или иначе связанные с этими событиями. Ее часы, разбитые в аварии... письмо дочери, написанное шариковой ручкой... Короче, результаты ее личных поисков. Наконец, в углу были сложены стопкой рамки со странными фотографиями ее кошмаров. Фредерик находил их «чуждыми» и предпочел не вешать на стену. Не то чтобы сюда валила толпа – у него мало кто бывал, – но его квартира оставалась единственным местом, где он был защищен от внешней грязи. Он часто говорил, что, если впускать в дом текущие дела, рано или поздно станешь спать с табельным оружием.

Абигэль несколько секунд смотрела на все это, потом достала свою тетрадь снов. Она пометила «Сон № 298, 16 июня 2015» и начала писать. Волоски у нее вставали дыбом – так живы еще были в ней сны. Она переписала код, который дала ей девочка: 4–7–15–24. Задумалась над этой последовательностью цифр. Подошел Фредерик с двумя чашками крепкого кофе. Обязательная подзарядка для начала дня. Он поставил чашки, взял ее за руку и закатал рукав халата.

– Следов от иглы все больше. Это начинает всерьез меня пугать.

Абигэль достала пакетик швейных иголок из ящика стола и внимательно их рассмотрела.

– Я укололась иглой в моем сне. И у меня пошла кровь, хотя обычно во сне кровь не идет. Это означает, что мое подсознание нашло защиту. У меня нет больше надежного теста на реальность. То есть даже сейчас я могу видеть сон. С моего окаменного мозга станется.

– Сон, встроенный в сон, который сам встроен в сон? Ну прямо тебе «Начало»!⁶ А ты типа Леонардо Ди Каприо, который блуждает из сна в сон и в конце концов начинает сомневаться в собственном существовании?

– Как знать? Как доказать себе, что этот стол, этот стул реальны? Что *ты* реален? Мои сны сильны, Фредерик. Куда сильнее твоих, ты это знаешь?

Фредерик направил руку Абигэль к своей пробивающейся бороде:

– А это сон? Ты ощущаешь мою кожу, слышишь шорох волосков, когда водишь пальцами по моему лицу?

– Да, но...

Он переместил руку на грудь. Абигэль ощутила биение.

– А это тоже сон? У меня есть душа и сердце, Абигэль. Я не какой-нибудь персонаж из кошмара.

⁶ «Начало» – научно-фантастический триллер Кристофера Нолана, основанный на идее осознанных сновидений.

– Я не это хотела сказать.

Он посмотрел на свою чашку с кофе и поднимающийся над ней пар.

– Я даже не уверен, что у тебя есть ко мне чувства. Иногда я спрашиваю себя, не остаешься ли ты со мной просто в благодарность за то, что я поддержал тебя и оторвал от бутылки водки.

– Не говори так. Я многое чувствую.

– Многое? Что же это за многое?

– Ты же знаешь, это очень сложно после того, что произошло. Нужно время. И ты проявляешь незаурядное терпение. Ты действительно хороший человек, Фред. Все это скоро разрешится, я уверена.

– Во всяком случае, я срочно запишу тебя к твоему неврологу. Тебе надо пройти всестороннее обследование, чтобы понять, что с тобой происходит и почему ты колешь себя иглами во все места из-за проблем со сном. И на этот раз я пойду с тобой.

– В этом нет необходимости, уверяю тебя. И ты же знаешь, я всегда справлялась сама.

– Мой отец тоже так говорил. Не хотел ничьей помощи, не желал обследоваться. Не наше дело, вечно бормотал он, жуя свои ириски. Пришлось его чуть не волоком тащить в больницу, а когда мы получили первые результаты, рак уже так разросся у него в легких, что ни для одной здоровой клеточки не осталось места.

Он помял сигарету в пальцах, посмотрел на нее и убрал обратно в карман.

– Я больше не хочу, чтобы ты держала меня в стороне от всего этого. Эта болезнь – часть тебя. С ней ты наша Цеце, чертовски хороший психолог, которого мы все любим, и особенно я.

Она улыбнулась ему.

– Да, я знаю, мне нечем особо похвастаться, – продолжал он. – Я целыми днями копаюсь в человеческом дерьме, ем из кастрюль, поглощаю килограммы карамельного мороженого, а потом блюю в туалете, потому что мне от этого легчает. Я не слушаю опер, не хожу ни в театры, ни в музеи, да и по части женщин я изрядно уступаю сверстникам. Но я влюблен. И просто хочу понять, что с тобой происходит. *Capisce?*⁷

– *Capisce.*

⁷ Понятно? (ит.)

12

Кофе они пили в хорошем настроении. Но Абигэль вновь и вновь возвращалась к своим кошмарам, особенно ко вчерашнему. Хоровод детей в спальне... Золушка, прячущаяся под кроватью... И эта фраза, записанная в ее тетради снов: *Puella inferus salutant vos...*

– Как ты объяснишь, что произошло сегодня утром? – спросила она и показала буквы, записанные в тетради.

– «Девочка без лица приветствует вас». Буква в букву загадка, написанная Фредди на теле Виктора два месяца назад.

Вид у Фредерика теперь был раздосадованный. Перед глазами у него стоял чудом спасшийся мальчик, исхудавший, кожа да кости, найденный два месяца назад на обочине дороги с этими странными татуировками по всему телу.

– Это просто сны, все более многочисленные и навязчивые. У меня нет объяснений.

– Два месяца мне снится девочка без лица, Фред, так отчетливо, что я думаю о ней весь день. В первый раз она появилась в ящике морозильника и пыталась меня утопить. Потом она пряталась повсюду – под кроватью, в шкафах...

Абигэль вытащила одну фотографию из своей коллекции кошмаров. На ней была изображена в тонах сепии девочка с длинными светлыми волосами, с холщовым мешком на голове, завязанным вокруг шеи. Синеватые вены избороздили ее тело, выступая на поверхности кожи. Она стояла среди языков пламени, раскинув руки, точно распятая, но не горела. Абигэль провела рукой по скрытому лицу.

– Ей страшно, она агрессивна и всегда находится поблизости от троих других похищенных детей... Она приходит почти каждый раз, в каждом кошмаре, она не отпускает меня. Вот и сегодня ночью она была и держала комикс моего отца, знаешь, *XIII*? Как может Фредди говорить об этой девочке без лица? Можно подумать... не знаю, что он проник в мои сны. Как он может знать?

– Он не может знать, потому что он человек. Он из плоти и крови, как ты и я.

Абигэль положила фотографию на стол и протянула ему бумажку:

– Во сне эта девочка дала мне код, как будто хотела, чтобы я его расшифровала. Смотри. Фред прочел. 4–7–15–24.

– Аби, Фрейд и компания – это не совсем мое, но я, как все, штудировал «Толкование сновидений» в лицее, эта штука может навсегда отвлечь от школы, кстати сказать. И я думаю, что твои сны создали девочку без лица, потому что мы знаем, что похищены четверо детей, но установлены личности только троих. Твой рассудок одержим делом Фредди, ты, как и все мы, корпела над ним дни и ночи, изучала каждую ниточку, каждую деталь, строила гипотезы. Твой мозг попросту материализовал этого четвертого неизвестного ребенка, Золушку, не дав ей лица. Я прав, мадемуазель психолог?

Она всмотрелась в его большие черные глаза, а он кивнул на фотографию:

– Эта светловолосая малышка продолжает преследовать тебя в твоих снах. А тот факт, что Фредди написал эту фразу на теле Виктора, ну... я не знаю.

– У меня такое чувство, будто что-то во мне ведет расследование, с тех пор как я перестала работать с вами. Может быть, у этой девочки в конце концов появится лицо? Может, мы выясним наконец, кто такая Золушка?

– Ее личность так и не установили. Эти татуировки доказывают только то, что Фредди играет с нами, что он хочет монополизировать наши силы, наши ресурсы зазря. Это просто его очередной чертов фокус. С этим мерзавцем мы теряем время.

Задумавшись, Фредерик отошел к окну покурить. Придя в отдел розыска, он мечтал именно о таких делах, он, простой сельский полицейский, сын и внук рыбаков. (Если бы отец

не умер, наверняка ему было бы суждено встать у штурвала судна «Бартавель».) Рутинная работа – гоняться за мотоциклистами да арестовывать пьяниц. Теперь он понимал, насколько далеки были его мечты от действительности. Ходить каждый день в контору с видом побитой собаки и открывать безнадежно пустое досье – вот чем обернулось дело Фредди.

За его спиной Абигэль крутила в руках разбитые в аварии часы.

– Ты передашь Лемуану информацию о расшифровке татуировок?

– Уже. У него глаза полезли на лоб, когда я объяснил ему, как ты решила задачку: во сне.

Но когда прошло удивление, все быстро приуныли... Мы ожидали чего-то гораздо большего... «Девочка без лица приветствует вас?» В данной ситуации мы не узнали ничего нового. Ни о мотивах Фредди, ни о месте, где он держит троих других детей. Еще одна ниточка в никуда.

Абигэль снова сосредоточилась на своей тетради и записала продолжение своих многослойных снов, с большой скрупулезностью, обращая внимание на каждую мелочь. Фредерик собирался на работу, когда она подняла голову от исписанных страниц. Он выхватил пачку «Мальборо» из блока, лежащего рядом с компьютером, и быстро поцеловал Абигэль.

– Не глупи с иголками, договорились?

– Я думаю, что попробую снова открыть консультационный кабинет в Лилле. Мне нужно выбираться отсюда, видеть людей, что-то делать, иначе я свихнусь.

– Хорошая мысль, если ты чувствуешь себя в силах, но не спеши, подумай хорошенько, ладно? Раны еще свежи. Ну все, я пошел. Запишу тебя к неврологу.

Оставшись одна, Абигэль долго смотрела на свою тетрадь снов, это отражение ее подсознания, изобилие образов и сценариев, которые она переживала, засыпая. Какие тайны крылись в ее сне? Что пытался ей рассказать ее разум через сновидения?

Она достала из ящика еще пять тетрадей. Они были пронумерованы и содержали куски жизни, обломки прошлого, но главное – сотни страниц рассказов один другого безумнее и нелогичнее. Эти тетради были, возможно, ключом, который позволит ей понять все черные точки ее жизни за последние шесть месяцев. Отец и его ложь... Авария... Расследование похищения детей и связанные с ним странные события...

Абигэль открыла программу ретуши изображений, навигатор с банком фотографий и принялась за работу. Она хотела материализовать свой последний кошмар: сидящая на узкой улочке девочка без лица, «Четвертая дверь» в ее, Абигэль, руках. Гонимый за ней оборотень с изломанным телом и конечностями на шарнирах. Она отметила про себя, что надо будет показать и код, который дала ей девочка без лица: 4–7–15–24. Что бы это могло значить?

Тут ей пришла в голову идея: заменить числа соответствующими буквами алфавита: А = 1, В = 2...

Она расшифровала слово: Д-Ж-О-Ш. Джош. Мужское имя. Кто же это был? Кто-то из ее прошлого? Из коллега или лица? Знакомый отца? Может, она и знала какого-то Джоша в юности, но память-то сдает...

Она отметила, что надо добавить слово «ДЖОШ» к изображению ее кошмара.

Два часа спустя она закончила работу и пошла в ванную. Пахло одеколоном «Фарина», которым Фредерик освежал щеки, – он брился по старинке опасной бритвой с ручкой из слоновой кости, на которой были выгравированы инициалы его отца: ФМ, Франк Мандрие. За приоткрытой дверцей аптечного шкафчика были видны флаконы с пропиолодом, лекарством, которое спасало Абигэль, но и разрушало ее. Она нахмурилась: неужели опять забыла закрыть? Толкнула дверцу, и та сама распахнулась: она всегда плохо закрывалась. Абигэль нажала посильнее и повернула задвижку.

Она всмотрелась в свое белое как мел лицо в зеркале, провела пальцами по длинным черным волосам, которых не стригла после аварии. Кончики высохли и секлись. Такими вот мелочами – новая морщинка в уголке глаза, незаметное бурое пятнышко на тыльной стороне ладони – время прокладывало свой порочный путь. *Когда мне исполнится восемнадцать лет,*

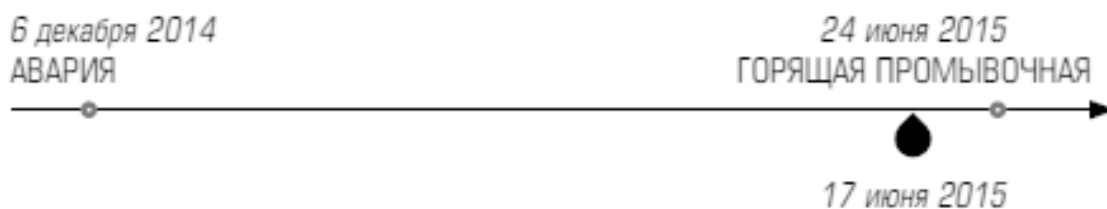
ты будешь старой, мамочка. Леа любила ее так дразнить. Абигэль до сих пор отчетливо слышала ее голос. Никогда ее дочери не исполнится восемнадцать лет.

Пустив воду в душе, она сняла халат и ночную рубашку. Змея *нарколепсия* искусала ее всю, превратив тело в безобразное зрелище, выставку шрамов, особенно в местах суставов. Ярмарочный уродец Нового времени. Фредерик никогда ни о чем не спрашивал, он принял ее как есть, с тем же уважением, какое испытывают, ступая впервые на незнакомую землю.

Входя в душ, она увидела в отражающихся друг в друге зеркалах – на стене и на аптечном шкафчике – большое лиловое пятно на своей правой лопатке.

Точно там, куда во сне ее ударил оборотень.

13

– Готово дело, она засыпает.

Фред стоял рядом с Од Дени, неврологом, наблюдавшей Абигэль уже несколько месяцев. Узнав об уколах иглой, врач потребовала немедленной встречи и попросила прийти не в Центр сна, где она обычно принимала, а сюда, в отделение неврологии больницы Роже-Салангро.

По другую сторону стекла Абигэль лежала под сканером ТЕР, большим цилиндрическим аппаратом, набитым электроникой. Молодая женщина сжимала в руке датчик. В последние несколько секунд давление на него уменьшилось – это показывало, что она заснула.

Од Дени посмотрела на экраны, которые показывали в разных разрезах и в реальном времени мозг Абигэль. В последний раз отладила аппаратуру. Фредерик видел на мониторе лицо своей подруги, которое снимала камера.

– Вчера она позвонила мне на работу в панике и сказала про синяк на правой лопатке. Это правда. Я сам видел эту гематому, когда вернулся, здоровенный синячище. Послушать ее, так этот синяк она получила во сне. Ее ударил точно в это место какой-то вымышленный персонаж, оборотень, когда она спала.

Он протянул ей последнее произведение Абигэль, отпечатанное сегодня утром:

– Это еще не совсем закончено, но она работает над этой жуткой сценой со вчерашнего утра.

– Она уже показывала мне свои произведения. Очень мрачно, но способности у нее есть.

Он ткнул пальцем в существо, похожее на марионетку со словно чужими руками и ногами на шарнирах, держащее большую косу:

– Это он ударил ее во сне. Когда она проснулась, опять-таки по ее словам, синяк уже был. Как будто сон действительно оказывает физическое воздействие. Вам встречались такие случаи?

Од Дени долго смотрела на фотографию, потом что-то записала в тетрадь. За ее спиной ползла ломаная линия энцефалограммы.

– Что-то вроде стигматов, раны, появляющиеся сами по себе, вы хотите сказать... Нет, никогда. Она не могла сама удариться?

– Таким местом, мне кажется, это сложно сделать. И потом, она бы помнила, верно? При таких размерах гематомы ей должно было быть чертовски больно.

Невролог с сомнением поджала губы:

– Извините, у меня нет научных объяснений. – Она показала на лицо Абигэль на экране. – Вот, она спит. Посмотрите на ее глаза, они двигаются под веками очень быстро. Это так называемые REM, быстрые движения глазных яблок, которые бывают только в фазе парадоксального сна.

– Я это уже видел. Впечатляет.

Од Дени была женщиной маленького роста, с тонкими изогнутыми бровями и морщинистым лицом. Фредерик сам не знал почему, но ему вспомнилась Люси, австралопитек⁸.

– Вы никогда не приходили с ней в центр. Она отказывается говорить с вами о своей болезни, я полагаю?

– Она очень сдержанна на этот счет. Когда она еще работала экспертом в жандармерии, не говорила о своих проблемах никому. Были, конечно, ее сиесты в ходе совещаний, она уходила поспать на несколько минут и возвращалась как ни в чем не бывало. Некоторые мои коллеги над этим подшучивали: они думали, что это все симуляция, штучки психолога.

– Нарколепсия – болезнь, которую людям очень трудно понять. Сейчас, через полгода, как она переносит испытание?

– По-разному. У нее бывают черные мысли, пограничное поведение, типа я хочу выбраться в окно, а иногда ей гораздо лучше. Вы, конечно, знаете, что она все бросила, но сейчас подумывает вновь открыть кабинет. И она это сделает очень скоро, я уверен. Потому что, когда она что-нибудь вобьет себе в голову...

Он кивнул на экран:

– Так, значит, она уже видит сон.

– Да. Это одна из основных характеристик ее расстройства. Вы, наверно, знаете, что есть разные фазы сна: дремота, медленный легкий, медленный глубокий, глубокий, затем парадоксальный, наступающий в конце цикла, примерно через полтора часа после засыпания... Но у Абигэль, несмотря на лечение, непроизвольные засыпания наступают в любой момент дня и погружают ее сразу в парадоксальный сон. Она видит сны, едва закрыв глаза.

Невролог посмотрела на разные мониторы, где светились живые срезы мозга Абигэль. На них взрывался фейерверк красок. Дени ткнула пальцем в один из мониторов:

– Зоны, связанные с внешними возбудителями и расшифровкой сложных визуальных сцен, гиперактивны. Миндалины и гиппокамп доставляют ей в эти минуты очень сильные эмоции.

Все кривые так и метались. Фредерик смотрел на движения энцефалограммы, которые то размахивались, то сжимались, словно аппарат взбесился. Глаза Абигэль вращались под веками с поразительной быстротой.

– Ненормально все это, доктор. Что происходит?

– Она видит свой сон по полной программе. Различные зоны ее мозга сообщаются между собой, идет интенсивный обмен, какого у нас с вами не бывает. Все происходит, как если бы она бодрствовала. Она видит сон, но для нее это реальность, и куда реальнее, чем для любого из нас. Во сне, например, мы не можем читать или писать, все слишком нестабильно, антураж постоянно меняется. А вот Абигэль говорила мне, что ей удастся читать и писать. Во сне она нажимает на выключатель, и загорается свет, чего не бывает в ваших снах и в моих. Вдобавок, судя по тому, что я вижу здесь, она, похоже, способна оценивать, мыслить, анализировать.

– Значит, вот почему она колет себя иголками? Чтобы убедиться, что это не сон?

– Да. Чтобы попытаться дифференцировать сон и реальность. Вы только попробуйте представить себе, что она переживает: будь вы на ее месте, наш разговор, все эти обследования, вся аппаратура могли бы быть лишь плодом вашего воображения. И вы проснулись бы в своей постели через несколько минут с чувством, что все это было на самом деле.

Фредерик прижал ладонь к стеклу. Абигэль лежала там, в нескольких метрах от него, но разум ее блуждал где-то за тысячи километров.

– Это ужасно.

⁸ Люси был назван скелет женской особи австралопитека афарского, найденный франко-американской экспедицией во главе с Дональдом Джохансоном, в то время – куратором Кливлендского музея естественной истории, 24 ноября 1974 г. в долине реки Аваш (впадина Данакиль) в Эфиопии.

– Да, тем более что ее сны редко бывают приятными. Все возвращает ее к собственной истории, к аварии, к ее фобиям, в частности паническому страху утонуть, к вашему делу о похищении детей.

– А коль скоро это так интенсивно, не может ли удар, нанесенный ей во сне, возыметь реальное отражение на ее организме? Я никогда не верил в такие вещи, но мне доводилось слышать, что разум может воздействовать на тело.

– Вы опять об этой истории с гематомой... Конечно, в процессе сновидений происходит всевозможный нейропсихологический обмен, и тело реагирует соответственно: испарина, гусиная кожа. Но не до такой степени, чтобы вызвать подобные повреждения.

– И все же синяк-то – вот он... Как сделать, чтобы она не колола себя иглами?

– Вы уверены, что Абигэль принимает свои лекарства, как предписано? В частности, пропидол? Пять капель в десять вечера, потом еще один прием ночью, когда она просыпается. Неправильная дозировка может дестабилизировать ее до такой степени, что сны будут еще реальнее...

– Мне кажется, да. Она всегда делает это в ванной. Лекарства – это ее тайная территория, и я, сказать по правде, никогда об этом не задумывался. Уже сколько лет она глотает все эти вещества, разрушающие ее память.

Невролог вздохнула:

– Пропидол, к сожалению, единственная молекула, способная обеспечить ей нормальную жизнь. Без этого лекарства она бы...

– Я знаю, – перебил ее Фредерик. – Я видел ее шрамы, щупал пластины под кожей. Или – или, потерять память или не иметь возможности выйти из дому, потому что она падает в приступе катаплексии где угодно каждые два часа. На днях это случилось с ней в кухне, я успел ее подхватить, не то она бы сильно ушиблась.

Линия энцефалограммы вдруг выровнялась. Через тринадцать минут после засыпания Абигэль очнулась от дневной дремоты и открыла глаза. Она глубоко вздохнула и огляделась. Специалистка нажала на кнопку.

– Все хорошо, Абигэль. Я доктор Дени. Вы внутри сканера в отделении неврологии, помните?

– Э-э... Да...

– Сейчас придет техник, полежите пока.

Од Дени выключила звук. Заложив руки за спину, она посмотрела на выходящую из аппарата пациентку.

– Я проанализирую все данные, но эти уколы иглами тревожат меня. Их действительно много. А теперь еще эта история с гематомой...

Она снова посмотрела на снимок кошмарной сцены.

– Как будто сны все больше берут верх над ее реальной жизнью. Если эти симптомы усугубятся, мы попробуем найти решение, чтобы не дать Абигэль всерьез себя покалечить.

– Под решением вы подразумеваете...

– Психиатрию.

14

Пока агент по недвижимости показывал ее дом в Эллемме потенциальному покупателю, Абигэль заперлась в комнате Леа. За два месяца она зашла туда лишь однажды: всего через несколько дней после посещения Института судебно-медицинской экспертизы. Фредерик помог ей выбрать одежду для кремации девочки.

За два месяца после аварии ей не раз доводилось полагаться на Фредерика. В том числе и в непростой период новогодних праздников. Он отменил застолья с коллегами и со своей матерью, чтобы быть рядом с ней. Нелегко в Рождество и Новый год утопать в сожалениях, проклинать весь свет и чувствовать себя виноватой. Без его помощи и поддержки все было бы сегодня гораздо хуже. Если, конечно, *хуже* может быть.

Два месяца, за которые Абигэль бросила все. Работу, друзей, выходы в свет. Когда Фредерика не было с ней – то есть часто, – она брала машину и гнала по пустынным улицам, дразня смерть, под печальные аккорды арии из «Ринальдо»⁹ на полную громкость из динамиков. Или же она затворялась в своем кабинете без окон, уродуя лица, терзая плоть, соединяя ДНК, растительность и сталь на экране своего компьютера, разбивая виртуальные машины о деревья и распечатывая композиции все в большем формате, а потом голова ее падала на клавиатуру, разом, в катаплексии, и она глушила пропидол, смешанный с алкоголем и всевозможными разноцветными таблетками. Она вновь и вновь переживала начальную сцену «Апокалипсиса сегодня» – почему именно ее, она не знала, – где Мартин Шин, запершись в своей комнате в Сайгоне, терзаемый демонами, кружит в странном гипнотическом танце. Умопомрачение в чистом виде. Абигэль *на самом деле* видела, как делает то же самое, в такой же влажной жаре, посреди своей спальни, и это не было сном. Она тронула кончиком пальца раздвоенный хвост безумия.

И вот она снова в комнате Леа. Указательный палец устало скользит по мебели. Пыль уже легла тонким слоем на поверхности. Как решиться продать кровать, в которой на глазах у Абигэль росла Леа? Или этот ночной столик, на который дочь выкладывала свои фантазийные побрякушки? Ее психолог посоветовала ей сохранить только несколько вещей, дорогих для Леа, и избавиться от всего остального. А не пошла бы ее коллега на хрен! Вся комната дышала присутствием малышки.

Абигэль открыла ящик, куда ее дочь складывала свои писания. Письма, стихи, признания девочки, которой случалось два-три раза в месяц буквально отскребать собственную мать от пола, внизу лестницы или посреди кухни, в припадке катаплексии. Дочь-мать, зрелая, сформировавшаяся, умом уже взрослая. Абигэль пробежала глазами несколько писем, смахивая слезы.

И утром, и вечером думаю я,
Когда тебя снова увижу.
Мама, эта болезнь твоя,

⁹ «Ринальдо» – опера Г. Генделя.

Как я ее ненавижу.

Девять долгих месяцев ты меня носила,
А потом тебе на ручки дать меня просила.
Ты лежала, не вставала, это ведь судьба
Пожелала, чтобы ты так была слаба.

Вот лежишь ты раной сплошной,
А на мне ни царапины нет.
Ты меня вырастила, дышала мной,
Я не дам тебе умереть, нет!

Она убрала листок на место в ящик и бросила читать. Каждое слово, написанное дочерью, было ей ножом в сердце. Невыносимо.

Она занялась помятыми чемоданами, извлеченными из разбитой машины и возвращенными ей бригадой из Сент-Амана через три дня после аварии. До сих пор ей не хватало духу их открыть. Пальмери вернул ей ключик Леа от розового в цветочек чемодана. Она достала его из кармана, вставила в замочную скважину и открыла защелку. Вещи Леа были свалены кое-как, эксперты из научной полиции рылись в чемоданах в поисках зубной щетки и расчески для сравнительного анализа ДНК, чтобы формально опознать тела.

Осторожными движениями она переложила одежду, косметику, шкатулку с украшениями на кровать. Взрыв воспоминаний, запахов и звуков. Плакать не хотелось, но слезы текли сами собой. Смесь медикаментов с алкоголем давала порой любопытные реакции. В последнее время Абигэль ходила к своему неврологу не лечиться, а за драгоценными рецептами, сезамом к лекарствам. Настоящая наркоманка. Она ездила к ней на машине. Разобьется? Туда и дорога.

Затем она перешла к чемодану отца, состояние которого лишний раз свидетельствовало о силе удара. Замки, однако, выдержали. Она достала одежду, туалетный несессер, три комикса *XIII* о загадочном персонаже с этим числом, вытатуированным у ключицы, без имени, без памяти. Ив давно был фанатом этой серии. Хоть Абигэль редко видела отца, она знала, откуда у нее вкус к чтению. Но может быть, и это она однажды забудет.

Из одного из комиксов, под названием «Приманка», выпала фотография. На снимке была луна-рыба, покрытая шипами, снятая крупным планом; его использовали как закладку. Абигэль нашла фотографию очень странной, как-то она не вязалась со всем остальным. Зачем ее отец сфотографировал эту рыбу крупным планом, он ведь вообще никогда не фотографировал? И почему воспользовался ею как закладкой в комиксе? Она перевернула снимок. На обороте было написано черным фломастером по диагонали: *«Я надеюсь, что ты отыщешь истину, так же, как желаю, чтобы ты никогда ее не нашла»*.

Что хотел сказать ее отец? Какую истину он имел в виду? И к ней ли обращался? Она снова посмотрела на странную рыбу, что-то вроде морского ежа с плавниками, ничего не понимая. Заинтригованная, она положила снимок на кровать, и ей захотелось выпить. Водки со льдом и лимоном. Но лучше было подождать, пока уберутся агент по недвижимости с клиентом, чтобы не клевать при них носом.

В кармашке чемодана она нашла еще брелок в виде корабельного штурвала с тремя ключами. На одном из них была приклеена бумажка: «14, улица Оль, Этрета». Адрес дома, который он снимал с тех пор, как ушел из таможни... Абигэль там бывала. Домишко для человека, привыкшего жить в одиночестве. Ей, кстати, несколько дней назад звонил домовладелец и просил приехать за вещами отца. Встреча была назначена на завтра; возможно, она возьмет кое-что на память.

Второй ключ походил на ключ от гаража или от всячего замка. Наверху выгравировано *Матрешка*: название русской куклы. Было ли это как-то связано с предыдущим посланием? Нарочно ли ее отец оставил этот ключ?

Третий был дубликатом ключа от машины.

Машина... Куча покореженного железа... Через несколько дней после кремации обоих Абигэль захотела увидеть снимки с места аварии, чтобы попытаться понять, каким чудом она выжила.

За отсутствием свидетелей и с учетом всех данных Пальмери пришел к выводу, что из-за тумана, отсутствия сигнализации, связанного с дорожными работами, и, наверно, недостатка внимания в этот момент Ив не увидел виража в конце длинной прямой линии. Следовательно разрешил головоломку с ремнями безопасности тем фактом, что у Абигэль случилась зрительная галлюцинация в нескольких сотнях метров от аварии: она вышла из машины, Ив тоже, и они не пристегнули ремни, сев обратно, сбитые с толку этим странным видением. Леа же и вовсе не пристегнула ремень, чтобы удобнее было спать.

Чушь! Абигэль отказывалась признать, что не пристегнула ремень в ту ночь. Пусть она теряет память о своей юности, пусть она нарколептика и ее поэтому могут объявить сумасшедшей, но она точно знала, что сделала это. Несмотря на то, что в отчете жандармерии значилась сия печальная истина: «Абигэль Дюрнан не была пристегнута ремнем безопасности».

Этому наверняка было какое-то объяснение, но Абигэль так и не удалось его найти.

15

Она еще долго сидела, погруженная в свои мысли и воспоминания. Эксперт по авариям, опираясь на чертежи и вычисления, заключил, что ее, вероятно, выбросило из машины между двумя ударами о деревья. Выжить был один шанс из десяти тысяч, впрочем, вероятности на то и существуют, чтобы их опровергать.

Короче, ко всем этим путаным объяснениям она относилась очень скептически.

Она осмотрела туалетный несессер Ива. Его неизменная опасная бритва, мыло, старая зубная щетка и черная расческа... Она разложила все это на кровати, добавила «Зиппо» с выгравированным слоном. Эта горстка вещей составляла в конечном счете портрет ее отца. Человек из тени, много куривший, довольствовавшийся минимумом и скупой на слова, которого, сколько Абигэль себя помнила, никогда не было дома.

Она ела себя поедом, сознавая, что уход Ива не причинил ей такой сердечной боли, как смерть Леа. Отец стал ей почти чужим в эти последние годы. Она забыла свое детство и не помнила, как он качал ее на коленях, как играл с ней... Потому ли, что он никогда этого не делал, или тому виной была ее слабеющая память?

Вскрытие не показало никаких болезней, ни опухоли мозга, ни единого вышедшего из строя органа. Что же до следов уколов на руках ее отца... медик затруднился объяснить их происхождение. Они походили на характерные отметины наркомана, но токсикологический анализ не выявил никаких следов наркотиков. И потом, чтобы ее отец принимал дурь? Не более правдоподобно, чем сектант-амиш, играющий в видеоигру «Candy Crush». Возможно, он колол себе лекарства, не выявленные стандартными анализами крови. Наверно, надо было копнуть поглубже, провести еще исследования, чтобы понять...

Еще одна тайна, разгадки которой она никогда не узнает.

Взгляд ее снова упал на содержимое чемодана дочери, и ей показалось, что в нем что-то не на месте. Или, точнее, чего-то не хватает. Она попыталась задуматься, но голова была как в тумане. Она спала как убитая, видела все более странные сны, и ей постоянно казалось, будто она парит над землей.

В дверь постучали. Агент по недвижимости Гийом Морель улыбнулся ей и посторонился, пропуская посетителя. Тот, мужчина лет сорока, с длинным и тонким ртом и южноамериканскими чертами, коротко кивнул ей и встал посреди комнаты.

– Отлично. Сколько квадратных метров, вы сказали?

– Шестнадцать, – ответил агент. – Не считая площади гардеробной, встроенной в стену.

Он подошел к окну, выходившему в сад, потом направился к двери гардеробной, собираясь ее открыть. Абигэль подскочила и удержала его за руку:

– Это моей дочери! Не трогайте!

Агент по недвижимости откашлялся. Двое мужчин вышли из комнаты, продолжая свой разговор. Абигэль обхватила голову руками, сознавая, сколь несоразмерна ее реакция. Посетитель, должно быть, счел ее чокнутой, особенно заглянув в ее спальню, не более уютную, чем операционный блок. Наверно, прав Фредерик: лучшим лечением было бы возобновить работу с ними, продолжать поиски Фредди, но Абигэль еще не находила в себе сил. Прошло всего-навсего два месяца. Как расследовать дело о пропавших детях, когда...

18:10. Агент ушел, и вот-вот должен был явиться Фредерик. Он навещал ее три раза в неделю. Поначалу она не хотела его видеть, но теперь ей даже нравились его визиты. Она варила ему кофе, они беседовали... Потом, около десяти, после его ухода, она наспех глотала какое-нибудь готовое блюдо из морозилки и запивала последней рюмкой водки, смешанной с пропиолом. Этот чертовски действенный коктейль усыплял ее до позднего утра. Даже не

приходилось вставать ночью, чтобы принять вторую дозу, которая должна была продлевать ее сон.

Она быстро плеснула на доньшко стакана сорокаградусной, бросила лед и выжала побольше лимонного сока – пусть вывернет желудок. Два глоточка, вкусовые бугорки в возбуждении, круговерть молекул углерода, водорода, кислорода, умело соединенных, чтобы вызвать выработку дофамина. Круг замкнулся, мозг счастлив. Больше пить и не надо. Через несколько секунд она уже плыла, точно парусник по масляному морю.

Она взяла свой ноутбук и, усевшись у окна, выходящего в сад, положила его на колени. Ввела в поисковик надпись с одного из ключей, *Матрешка*. Быстро отсортировав страницы и страницы о русских куклах, Абибель наткнулась на прогулочные яхты «Матрешка». Она не помнила, чтобы у ее отца когда-нибудь была яхта, да и не увлекался он особо ни судами, ни навигацией. И потом, это ведь, наверно, стоит целое состояние. Будь Ив владельцем судна, нотариус сказал бы ей об этом, не так ли? Однако этот брелок в виде штурвала...

Она отложила ноутбук и задумалась, глядя на маленький брелок. «Я надеюсь, что ты отыщешь истину, так же, как желаю, чтобы ты никогда ее не нашла...» Могла ли быть здесь связь с ключом от яхты?

Водя пальцем по круглому шраму на шее, она рассеянно взглянула в окно. Ее неухоженный газон зарос сорной травой. Тень кошки скользнула по изгороди. Несколько долгих минут Абибель смотрела, как она движется в свете фонарей, и вдруг в голове что-то щелкнуло. Она бросилась в комнату дочери. Посмотрела на разложенные на кровати вещи.

Где же плюшевая игрушка Леа?

Она приподняла одежду – котенок не было. А ведь дочь сунула его в чемодан перед самым отъездом в Сентер-Парк. Она даже возвращалась за ним в дом, Абибель точно это помнила.

Она набрала номер телефона Пальмери и, перекинувшись несколькими словами, спросила его, не находили ли они черного котенка в одном из чемоданов, в багажнике или поблизости от машины. Руководитель аварийной бригады из Сент-Амана поразмыслил вслух, сверился с записями и ответил отрицательно. Не объясняя ему причин своего звонка, Абибель повесила трубку и закрыла лицо руками. Она ничего не понимала. Если игрушка была в чемодане Леа до аварии, а потом исчезла, значит кто-то ее взял.

Она кинулась к вещам Леа, разбросанным по кровати. Если пропал котенок, то, может быть, и... Она приподняла небесно-голубые брюки в поисках других брюк, в красную и белую клетку, которые ее дочь тоже хотела взять с собой на уик-энд. Она перевернула всю одежду на покрывале.

Брюк в клетку не было.

Абибель охватила паника: теперь она была уверена, что *кто-то* рылся в чемоданах до приезда жандармов. Из ее чемодана ничего не пропало, насчет отцовского она не знала.

«Вы чудом уцелели. Кроме нескольких порезов от стекла на лице... и гематомы на груди, сканер не показал никаких внутренних повреждений...»

Голос врача из больницы Салангро неотступно звучал в ее голове. Сколько тайн окружало эту аварию. Что произошло в ту ночь, пока она лежала без сознания в листьях? Как плюшевая игрушка и брюки могли исчезнуть из запертого на ключ чемодана? Как Абибель оказалась в пяти метрах от машины без серьезных ран и переломов, если не имела возможности выбраться после удара о дерево?

Зазвонил ее телефон. Фредерик. Судя по фоновому шуму, он был в машине.

– Я не заеду сегодня, – сказал он нервным голосом. – Мне только что позвонил Лемуан. Фредди снова взялся за свое, Абибель. Он преподнес нам свой последний подарок.

16

Всякий раз, выезжая на место преступления или присутствуя на вскрытии, капитан жандармерии Патрик Лемуан снимал обручальное кольцо и прятал его в карман джинсов. Он никогда не говорил об уголовных делах своей жене и тем более двум детям-подросткам и этим жестом тоже как бы оберегал семью от ужасов, связанных с его профессией.

В этот ранний вечер в феврале 2015 года он был в числе первых прибывших в лес. Деревья стояли голые, черные, выжженные холодом, словно брошенная сюда армия скелетов с того света. Земля хрустывала под ногами. Слой инея окутал все блестящими кристалликами, заморозив всякую попытку жизни. Патрик любил природу, но, с тех пор как работал над делом Фредди, ненавидел леса.

Руководитель расследования приехал со своим руководителем операций Арно Новицки, сорокалетним мужчиной польского происхождения, и еще двумя жандармами из своей группы. Фредерик Мандрие тоже должен был прибыть с минуты на минуту. Команды местной бригады опрашивали прохожих, которые их вызвали. Мощные галогенные лампы заливали все вокруг белесым светом. Эксперты из научной полиции натягивали желтые ленты с надписью «Национальная жандармерия» вокруг места преступления, если можно было назвать это так.

Десятку присутствующих открывалась омерзительнейшая сцена. Труп не было, была одежда мальчика, набитая соломой для придания объема и приколотая гвоздями к широкому стволу, – чучело. На сей раз на нем была сине-белая майка сборной Франции по футболу с номером 9 «Оливье Жиру», черные тренировочные брюки и кроссовки 33-го размера. Майка была запятнана кровью, словно брызги разлетелись от резкого взмаха. Вся одежда в разрезах, по большей части на уровне груди. Полотняный мешок, тоже набитый соломой и приколотый сверху, служил головой. Глаза в форме звезд, рот с острыми зубами и крючковатый нос были нарисованы черным фломастером.

Эта дьявольская голова была увенчана шевелюрой. Явно человеческой. Это был не скальп, но сыщики полагали, что Фредди обрывал головы своим маленьким жертвам машинкой для стрижки волос. На этот раз пряди волос, приклеенные к полотну, были белокурыми и жесткими. Судя по их длине, они принадлежали девочке.

Одежда мальчика, волосы девочки.

Патрик Лемуан и его люди видели такую жуткую фреску в третий раз за год с небольшим. Он вспомнил первое чучело, обнаруженное в июне 2014 года, восемь месяцев назад, в Компьеньском лесу, в сотне километров отсюда. Тогда на нем была одежда девочки – платье, забрызганное кровью, изрезанная майка, туфли, носочки, – пропавшей три месяца назад. Ее звали Алисой. Одежда была пропитана ее кровью, но волосы, приклеенные к голове из полотняного мешка, были чужие. Позже выяснится, что волосы эти принадлежали Виктору, тринадцати лет, пропавшему накануне страшной находки.

Алиса, Виктор и Артур...

Эти три имени крутились в голове Патрика днем и ночью. Детишки, черт побери! Как приходить домой, оставляя их историю за дверью или в глубине кармана? Как смотреть на

собственных детей, не думая о них? Несмотря на все его усилия, отношения с женой портились, потому что он все держал в себе, ведь изувеченный труп или жертва изнасилования – не то, чем делятся с семьей за воскресным обедом. *Ты не передашь мне курицу? Знаешь, мы нашли женщину, зарубленную топором, сегодня утром у нее дома.* Собственные потемки разъедали его изнутри.

– Надо пошевеливаться, – сказал он, глядя на черное небо и чувствуя, как усиливается ветер. – Скоро опять повалит этот пакостный мокрый снег, и мы все превратимся в сосульки. Осточертела эта дерьмовая погода.

По его распоряжению руководитель операций сделал все необходимые звонки, чтобы подтянуть людей и технические средства в ближайшие часы. Завтра с первыми лучами рассвета лес, пруды, овраги прочешут в поисках тела. В прежних случаях трупа не было, но Патрик Лемуан не хотел ничего упустить. При оказываемом на него давлении и национальном масштабе дела он *не мог* допустить прокола.

Послышался шум машины. В сотне метров, на лесной дороге, едва заметной среди деревьев, он увидел Фредерика, паренька из Вормута. Патрику нравились его спокойный нрав и скромность. Мандрие был не из горлопанов и не любитель повыступать. Не был он и гениальным сыщиком, каких можно увидеть в сериалах, но работу свою делал быстро и хорошо, только и всего.

– Были сообщения о новом исчезновении? – спросил Фредерик, бросив взгляд на жуткую картину.

– До нас пока ничего не дошло. Но очень вероятно, что скоро мы узнаем скверную новость.

Фредерик подошел к черно-желтым лентам, огораживающим место преступления, и посмотрел на чучело. Одежда, полотняный мешок, неизвестно чьи длинные светлые волосы на нем... Все это смахивало на творение безумца.

– Волосы-то, похоже, девочки, – заметил он. – Это значит, что Фредди ее уже похитил и что, если все это подтвердится, исчезновений у нас будет четыре.

– Он выполнил свою квоту.

В голове у Фредерика засело слово в слово послание, полученное бригадой через несколько дней после первого исчезновения: «Будут еще трое. Ни одним больше, ни одним меньше». Он отлично помнил слова своих коллег, помнил, как они негодовали и как все были уверены – в том числе и он, – что возьмут Фредди, прежде чем он успеет снова взяться за свое. Запал новичка, верящего, что изменит мир. И большое разочарование.

Он внимательно всмотрелся в шляпки гвоздей, которыми было прибито чучело. Гвозди диаметра 110, новенькие, стандартные, вероятно, те же, что и на прежних чучелах. Он так в этом поднаторел, что мог назвать цену за сотню и перечислить все магазины в округе, где продавали этот скобяной товар.

Он повернулся к дороге:

– Это же Д151. Тебе это ни о чем не говорит?

Лемуан пожал плечами. Фредерик указал пальцем на вираж:

– А должно бы. Авария, в которой погибли отец Абигэль и ее дочь, произошла меньше чем в сотне метров, вон на том вираже.

17

Патрик Лемуан принял новость Фредерика внешне спокойно.

– Мне сказали, что авария произошла где-то близ Сент-Амана, но я не помнил точного места. В сотне метров, говоришь?

Руководитель операций остался на месте, а Фредерик, вооружившись фонарем, повел своего шефа и одного из коллег через лес к убийственному виражу. Работы были закончены недели три назад. Знак, предупреждающий о вираже, поставили на место, но деревья еще хранили следы удара. Содранная кора, поломанные ветки. Патрик Лемуан обернулся и посмотрел, откуда они пришли.

– Действительно недалеко. А когда бишь была авария?

– Два месяца назад, день в день. Шестого декабря.

Лемуан досадливо побарабанил пальцами по зубам.

– В округе сотни квадратных километров леса. Мне трудно поверить, что это простое совпадение.

Он похлопал по плечу одного из своих подчиненных, Тома Кастелло, тридцати пяти лет, за плечами четыре года в отделе розыска. В группе его прозвали Хорьком.

– Возьми-ка фонарь и пройдишь, погляди вокруг. Здесь, вообще-то, никто не гуляет пешком, так близко к департаментскому шоссе. Тротуара нет, опасно... Сделай первый обход и сообщи экспертам обо всем, что найдешь: окурки, мусор, свежие следы. Тщательные поиски оставим до завтра, когда будет светло. Возможно, Фредди завернул сюда, на место аварии, перед тем как повесить чучело. И не спрашивай меня зачем, я понятия не имею.

Хорек сходил за фонарем и приступил к делу, а Патрик с Фредериком вернулись к ограждению. Издали казалось, что на дереве висит настоящий труп ребенка. Эксперты уже окружили это страшное чучело, брали образцы волос, упаковывали обувь, стоящую у корней дерева. Другие фотографировали во всех ракурсах. Все движения были отработаны, точны, словно па балерин из Большого театра. И вправду казалось, будто эти люди в мягких бумажных комбинезонах, с их изгибами и замедленными жестами, танцуют.

Держа руки в карманах, Лемуан нервно крутил обручальное кольцо.

– Похоже на одежду Артура... Не исключено, что и кровь на одежде его... Мать говорила, что на нем была майка сборной Франции по футболу в день исчезновения. С номером девять.

Как и в предыдущих случаях, Фредерик был убежден, что они найдут только то, что Фредди сам хотел им оставить: воображаемый ключ, открывающий ничтожную частицу его извращенного ума.

Предполагаемый хозяин одежды, девятилетний Артур Виллеме, был объявлен пропавшим без вести пять месяцев назад, 5 сентября 2014 года, в Нанте. Он ехал на велосипеде на тренировку по футболу, как и каждую пятницу, в семь вечера. Мальчик беспроblemный, хорошо знакомый всему кварталу, со всеми вежливый. Он жил всего в трех километрах от стадиона и всегда срезал путь через лес, чтобы быстрее. Его спортивную сумку и велосипед нашли в кустах. Криминальная полиция Нанта немедленно открыла дело. Портрет мальчика в футбольной майке обошел все комиссариаты и казармы жандармерии во Франции. Показали его и по телевизору в передаче «Внимание: розыск».

Через три дня после исчезновения Артура команда отдела розыска Лилля обнаружила в лесу департамента Нор, в пятистах километрах от Нанта, чучело в детской одежде, запятнанной кровью, с головой из полотняного мешка с приклеенными волосами, луковицы которых, судя по анализу ДНК, оказались мужскими. Еще через десять дней жандармы из Нора выяснили, что это были волосы Артура Виллеме, мальчика, пропавшего в Нанте. Одежда же с пятнами

крови принадлежала третьему ребенку, похищенному в Амбуазе три месяца назад, по имени Виктор.

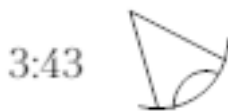
Алиса, Виктор и Артур...

Фредерик впервые работал по похищению детей, и морально ему было тяжело, как никогда. Нет, не из-за ненормированного рабочего дня, разъездов, поисков. А из-за того, что он чувствовал себя былинкой, попавшей в торнадо. Вновь и вновь стоял в лесу перед чучелом и только и мог, что проклинать автора столь чудовищной затеи.

Крики вывели жандарма из задумчивости. Коллега, обыскивавший обочину шоссе, махал им рукой. Фредерик и Патрик кинулись к нему. Том Кастелло стоял точно на месте аварии, на убийственном выраже, в нескольких метрах от дерева с содранной корой. Он осветил уцелевшее дерево поодаль:

– Взгляните.

Двое сыщиков подошли ближе и увидели надпись, вырезанную на коре, примерно в полутора метрах над землей.

Лемуан на несколько секунд задумался.

– По-твоему, это сделал Фредди?

– Кто же еще?

Шеф вытер лоб, на котором уже замерзали капли пота, и поднял глаза к черному грозному небу:

– Ладно, ничего не трогаем. Надо взять пробы сегодня же, пока не повалил мокрый снег. Вызови по-быстрому эксперта.

Кастелло удалился. Руководитель расследования потерял бородку:

– Замысловато. Похоже на глаз, правда? Зачем этот психопат вырезал глаз на месте аварии? Хотел сказать нам, что он что-то видел? Видел что-то в три часа сорок три минуты в ту ночь?

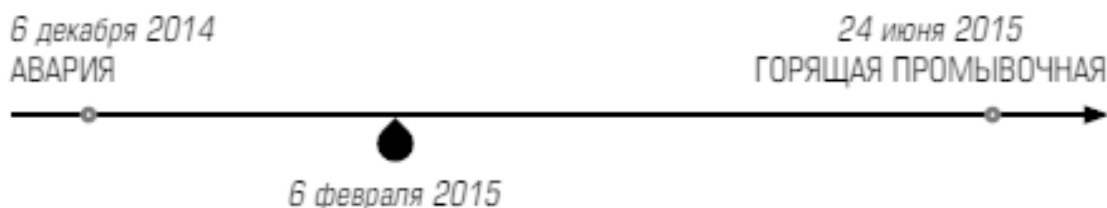
Фредерик пошел к дороге. Пропустив проезжающую машину, он встал посреди асфальта, не сводя глаз с шефа. Первое дерево, в которое врезалась машина в ночь на 6 декабря, находилось в двух метрах слева. Лемуан подошел к нему, но остался на обочине.

– Похоже, тебе это о чем-то говорит.

Фредерик шагнул к нему:

– Да, кое о чем говорит. Три часа сорок три минуты – это точное время аварии Абигэль Дюрнан.

18

Абигэль проехала через пропускной пункт казармы жандармерии с комом в горле. Охранник в будке узнал ее и кивнул. Она быстро припарковалась на почти пустой стоянке и пошла вдоль стен Безумной Вдовушки.

Она всегда ненавидела это серое, строгое сооружение, достойное плохого фильма ужасов. Это старое средоточие безумия, построенное в начале 1900-х годов, было лишь временным пристанищем для жандармов. Мрачное, конечно, но практичное, с его административными зданиями, тремя десятками корпусов, связанных между собой крытыми галереями, и «апартаментами» для особо важных пациентов. Здесь был даже обширный парк. Безумная Вдовушка в свои преклонные годы еще пыталась пленять.

Абигэль шла, ступая бесшумно. Не дай бог встретить знакомых, жандармов, которые будут препарировать ее глазами и выражать сочувствие утрате дочери и отца. Ее достала жалость окружающих.

Она сунула в рот мятную конфетку, чтобы освежить дыхание – за вечер она выпила только один стаканчик, но вкус водки еще ощущался на языке, – и вошла в один из многочисленных корпусов, который до сих пор, вот уже лет десять, называли «буйным». Безумная Вдовушка качала на своих тощих руках самые тяжкие патологии и подчас обходилась с ними довольно грубо: она ненавидела собственных детей. Абигэль содрогалась, проходя мимо помещений, где еще лежали стопки смиренных рубашек или стояли кровати с привязными ремнями, мимо просторных пустых душевых.

Она миновала пустые палаты, мельком увидела знакомых в бывших врачебных кабинетах и свернула к сестринской. Их комнате. Остановилась перед синей входной дверью, на которой висел листок с надписью: «Команда „Чудо-51“». Глубоко вдохнула и задумалась, глядя на надпись: кого больше жаль – ее, потерявшую отца и дочь, или родителей Алисы, живущих в ужасе, в неведении уже почти год, страшившихся увидеть труп дочери за каждой открываемой дверью? Как-то они провели Рождество? Купили ли подарки? Положили ли их под елку?

Она готова была повернуть назад, сесть в машину и гнать, пока *это* не случится. Как трудно быть в этих стенах, думать о похищенных детях, беречь рану, которая жгла нутро так же, как водка с лимоном. В глазах всех этих пропавших она всегда видела отсвет Леа. Улыбку, взгляд, складочку у губ...

И все же она дважды постучала и толкнула дверь. Даже в коридоре, ведущем в центральную комнату, стен не было видно под заметками, фотографиями, выписками, планами. Это помещение было их святилищем, их коконом, местом, где они ели, пили, иногда и спали. Они были не просто командой – семьей, жившей под одной крышей и посвятившей все силы единой цели: найти негодяя, похитившего этих детей.

Когда она вошла в бывшую сестринскую, превращенную в командный пункт, все взгляды обратились к ней. Фредерик, шеф Патрик Лемуан и Жизель, их аналитик... Арно Новицки и еще двое жандармов из семьи – *ее* семьи, – вероятно, жандармы из Сент-Амана. Для пущей эффективности часть операций – особенно поисковых – было решено вести из другой казармы.

Патрик чмокнул ее в щеку:

– Спасибо, что пришла.

Она поздоровалась с двумя другими коллегами и несколько секунд обнималась с Жизель, которая похлопывала ее по спине:

– Приятно снова тебя увидеть, моя милая Цеце...

Ей было тягостно смотреть на лица, осунувшиеся от усталости и слишком похожих дней. Два месяца она не была здесь, но казалось, не прошло и суток: ничего не изменилось, разве что бумаг стало больше. Фредерик направился к кухоньке, откуда доносилось урчание разогревающейся кофеварки.

– Я варю кофе. Абигэль, тебе воды, травяного чая?

– Травяного чая, пожалуй.

Абигэль сняла вязаную шапку, шарф, пальто и присела к большому столу, заваленному бумагами и заставленному компьютерами. Фотографии троих пропавших были развешаны повсюду, и с ними – единственное новшество, белый прямоугольник с вопросительным знаком, обозначающий четвертую жертву.

Шеф команды ничего не стал рассказывать ей по телефону. Она прочла последние записи маркером на доске. «Проводится опознание одежды родителями Артура», «Вызваны трое водолазов на завтра».

– Итак, свершилось, вы нашли чучело Артура, – выдохнула она.

– Ждем подтверждения родителей по поводу футбольной формы, но, очевидно, все сходится, – ответила Жизель. – Размер, марка, описание его вещей. Вероятность, что это принадлежит ему, очень велика.

Жизель была одним из лучших аналитиков конторы. Сорок лет беспорочной службы, замужем, четверо детей; жила она всего в нескольких километрах от Безумной Вдовушки и приезжала на велосипеде. Одна из немногих, кстати, кто выиграл от переезда в новое помещение – поближе к дому. Она барабанила по клавиатуре своего компьютера, в совершенстве владея программой «Analyst's Notebook», в которую систематически вводились все параметры, все данные, свидетельства и протоколы дела «Чудо-51». Сегодня только по их досье в ней пересекались тысячи сведений. Жизель никогда не бывала на месте преступления, она ни в коем случае не должна была принимать расследование близко к сердцу, чтобы объективно рассматривать все данные и засекать несоответствия или, наоборот, точки соприкосновения, которые позволили бы продвинуться в деле. Неоценимое подспорье для Абигэль и окружавших ее жандармов.

– Уже известно имя нового похищенного ребенка? – спросила Абигэль.

– Нет еще. Было зафиксировано тревожное исчезновение два дня назад, но оно не связано с нашим делом. Мы отправили волосы с чучела на анализ ДНК. Как знать.

Абигэль взяла снимок, чтобы рассмотреть, но быстро положила его обратно на стол, так как руки ее дрожали. Майка сборной Франции по футболу... Номер 9... Маленькие кроссовки... Она задержала взгляд на длинных белокурых волосах, наверняка женских, приклеенных к полотняной голове: волосы новой похищенной жертвы, пока безымянной.

– Они светлые и длинные. Как волосы Леа.

Патрик забрал фотографию, увидев, как погрузстнели глаза Абигэль. Вернулся Фредерик с чашками и кусками пирога с ревенем, которые достал из маленького холодильника, купленного на распродаже подержанных вещей.

– Это Жизель испекла.

Жандармы ничего не ели с полудня, и хоть и не были голодны, сладкое помогало держаться. Жизель робко улыбнулась Абигэль:

– Воздай ему должное. Я со вчерашнего дня на пенсии.

Абигэль встала и снова обняла Жизель:

– Прости, Жизель, я совершенно забыла.

– Ничего страшного. Но сама видишь, я прилепилась здесь, как ракушка к скале.

Абигэль села и удивилась, как быстро звуки, запахи, обстановка вновь стали ей привычны. Будто и не было двух месяцев отсутствия.

– Почему я здесь?

– Иди посмотри.

Абигэль подошла к большой карте региона, занимавшей добрую часть боковой стены. На ней стояли три крестика с датами. Всякий раз это были леса, места обнаружения жутких чучел. Дети пропадали по всей Франции, но мизансцены с одеждой всегда имели место в этом районе. Рем, июнь 2014-го. Соррю, сентябрь 2014-го. Абигэль сосредоточилась на последнем, свежем крестике. Сент-Аман, февраль 2015-го. Она сразу узнала место.

– Что это значит?

– Чучело Артура нашли меньше чем в ста метрах от места твоей аварии.

Абигэль почувствовала, что ей срочно надо сесть. Жизель ласково погладила ее по спине.

– Почему он это сделал?

Фредерик сел напротив нее.

– Это мы и пытаемся понять. Мы посмотрели рапорт об аварии, составленный два месяца назад. Там указано точное время драмы, то, которое показывали часы на приборной панели: 3:51.

Жандарм подвинул к Абигэль фотографию: дерево, снятое крупным планом.

– Ее отпечатали всего несколько часов назад. Это дерево неподалеку от виража. Мы думаем, что это послание вырезал Фредди. Не известно точно когда. Сегодня, вчера, месяц назад...

Абигэль взяла прямоугольник глянцевой бумаги. Увидела наклоненный глаз и вырезанное на коре время: «3:43».

– Мы знаем, что ты ничего не помнишь об аварии, – сказал Патрик. – Но это точное время тебе что-нибудь говорит? Почему 3:43? В рапорте говорится, что у тебя было видение в нескольких сотнях метров оттуда. Ты думаешь, может быть здесь какая-то связь?

– Нет, видение тут ни при чем. В 3:43 мы не ехали. Авария уже произошла.

Коллеги смотрели на нее, не понимая. Абигэль не сводила глаз со снимка.

– Эксперты воспользовались часами на приборной панели, чтобы определить время аварии, 3:51. Но они спешили. У меня были часы на руке. Их сняли в больнице и вернули мне при выписке. 3:43 – точно это время они показывали. Время, когда они разбились.

19

После слов Абигэль наступила тишина траурного бдения. Жизель перестала печатать на компьютере. Патрик сел рядом с Фредериком. Все теперь расположились вокруг стола. Проходившая рядом отопительная труба, стальная кишка Безумной Вдовушки, потрескивала и урчала. Старушка хотела присоединиться к празднику.

Слово взял Патрик. Дождь вперемешку с мелкими льдинками тихонько постукивал в единственное зарешеченное окно. После обнаружения нового чучела руководителю расследования, очевидно, предстояло провести с Вдовушкой ночь, и эта перспектива его совсем не радовала. Вот уже год он не был ни на одном родительском собрании, не отвозил сыновей в лицей и почти не проводил вечеров с женой.

И он все еще не нашел этих окаянных детей.

– Подумаем. Эта надпись доказывает нам, что Фредди знал, когда произошла авария: в 3:43, время, которое показывали твои разбитые часы. На этом этапе я вижу только две гипотезы. Первая: он имел доступ к твоим часам между аварией и моментом, когда тебе вернули их в больнице.

Он быстро листал копию рапорта об аварии, присланную Пальмери несколько часов назад по его запросу.

– Это могут быть пятеро рабочих, работники «скорой помощи», возможно, жандармы из Сент-Амана и все, кто занимался тобой в больнице. Ориентировочно от двадцати до тридцати человек.

– Если он в числе этих людей, это не только было бы колоссальным совпадением, но вдобавок слишком рискованно с его стороны оставлять нам эту надпись – он бы еще ногу себе прострелил, – заметил Фредерик. – Он же знает, что будет расследование.

– А мы знаем, как он осторожен, – добавила Жизель.

Патрик согласился, но все же не мог пренебречь этой ниточкой.

– Мы допросим каждого из них, хотя я больше склоняюсь ко второму варианту: Фредди был на месте в момент драмы, шестого декабря две тысячи четырнадцатого года, в 3:43. И вырезанный глаз говорит нам: он видел, что произошло в ночь аварии.

Гипотезы одна другой ужаснее проносились в голове Абигэль. Она думала о своем открытии с чемоданами, об исчезновении вещей: котенка, брюк. И потом, как она оказалась поодаль от машины, без серьезных ранений, лишь с несколькими порезами на лице?

– То, что он был на месте в ту ночь и там же произошла авария, – не главное совпадение, – продолжал Патрик. – Я хочу сказать, это вполне могло случиться. Главное – тот факт, что Абигэль оказалась одной из тех, кто задействован в этом деле.

– И все же я плохо себе представляю, как можно объяснить это иначе, чем случайностью, – сказала Жизель с полным ртом. – Присутствие машины отца Абигэль в этом месте – результат злосчастного стечения обстоятельств. Он ведь оказался там, потому что у него кончился бензин, да?

Абигэль кивнула:

– Указатель мигал. Он не проехал бы и тридцати километров.

– Если это было предсказуемо, то авария – нет, – заключила Жизель.

Она отложила ложку и направилась к карте Франции, на которой стояли три крестика с датами и именами. Ткнула в них поочередно ручкой:

– Алиса пропала в марте две тысячи четырнадцатого. Ее чучело нашли в июне две тысячи четырнадцатого, то есть три месяца спустя. Затем обнаружили чучело Виктора, тоже спустя три месяца после его исчезновения плюс-минус несколько дней. Теперь вспомните: Артур,

наш самый последний пропавший, не подавал признаков жизни с пятого сентября две тысячи четырнадцатого. И что мы делаем три месяца спустя, то есть с начала декабря?

– Ждем, что Фредди, следуя своей логике, проявит себя, – отозвался Фредерик. – Изучаем сообщения о пропавших, ищем новую жуткую сцену в лесах...

– ...которую он выдал нам только сегодня, шестого февраля, то есть с опозданием на два месяца. Что-то нарушило его *модус операнди*. Абигэль показала нам, до какой степени такие типы ригидны: Фредди следует схеме, разработанному до мелочей плану. Почему вдруг пять месяцев вместо трех? А если, в силу чистейшей случайности, он решил выставить чучело Артура в ту ночь, шестого декабря, у шоссе Д151, но авария вывела его из равновесия?

Патрик был на сто процентов согласен.

– На шоссе несколько дней велись работы, он знал, что ему никто не помешает, – добавил он. – Он спрятал свою машину где-то в лесу, начал действовать, готовить инсталляцию своего чучела, но тут разыгралась драма... Был, должно быть, чудовищный грохот. Фредди испугался и сбежал. Но был начеку и два месяца спустя вернулся, чтобы доделать дело.

У шефа были глаза такого глубокого черного цвета, что трудно было отличить радужки от зрачков. Хуже, чем заглядывать в колодезь. Как правило, людям, смотревшим на него, становилось не по себе. Абигэль, однако, не сводила с него глаз.

– Он не испугался. Наоборот, он задержался там.

– Почему ты так думаешь?

– Прошло три часа между аварией и прибытием «скорой» и жандармов. Три часа, которые я пролежала без сознания. Из чемодана Леа пропали вещи. Как минимум одна одежда и ее черный плюшевый котенок.

Фредерик посмотрел на нее удивленно.

– Я же был на вскрытии, – сказал он. – Пальмери говорил, что чемодан был заперт на ключ, а ключ лежал в кармане Леа.

– Я знаю. Но я уверена в том, что говорю.

– Уверена, как насчет ремней безопасности? – вставил Патрик Лемуан.

Абигэль бросила на него суровый взгляд. Так вот что они о ней думают? Что она фантазирует? Лемуан осознал свою промашку и поправился:

– Извини, Абигэль, но я просто пытаюсь быть объективным. Если то, что ты говоришь, – правда, это значит, что Фредди взял ключ из кармана Леа, открыл ее чемодан в багажнике, забрал какие-то вещи, запер чемодан и положил ключ на место. Все это после того, как машина врезалась в дерево и в ней лежали трупы.

– Я знаю, что я видела, что пережила. Мы собирались уезжать. Моя дочь положила котенка в свой чемодан.

– Зачем бы Фредди это делать? В этом нет никакого смысла.

Абигэль снова взяла фотографию дерева. Вырезанный глаз... Время... 3:43.

– Для него смысл есть. Мы знаем, что одежда играет важную роль в его образе действий. Это ее мы находим в мизансцене, запятнанную кровью, изрезанную ножом, а не детей. Он, возможно, не устоял перед искушением открыть чемодан Леа и порыться в ее вещах. Мы не знаем, почему он похищает этих детей и что с ними делает, зато знаем, что он любит играть, выводить из равновесия и провоцировать.

– Может быть, но зачем ему было трудиться класть ключ на место?

Она не дала себя сбить и ценой колоссального усилия продолжала свои умозаключения, несмотря на логический сбой, который подчеркивал Патрик Лемуан.

– Чтобы мы задались таким вопросом, может быть? Чтобы поиграть и доказать нам, что у него все под контролем, что он не боится? Если он был там в ту ночь, значит помощь он не вызвал. Наоборот, остался возле машины, спокойно смотрел на тела Леа и моего отца... Мы знаем его самообладание, никогда он не поддается панике, даже перед непредвиденным. А

эта авария и была тем самым непредвиденным. Кто угодно среагировал бы, вызвал «скорую» или убежал. А он – нет, он остался... Может быть, в ту ночь он и вырезал надпись на дереве, как знать? Он подошел ко мне, узнал меня... Представьте себе: он знает благодаря прессе, что я работаю над делом, и находит меня там, бесчувственную, лежащую на земле перед ним. Вообразите же, какой восторг овладел им в тот момент. Он держит мою жизнь в руках, имеет надо мной полную власть...

Она задумалась над этой новой гипотезой: Фредди мог бы ее убить, но не сделал этого. Охотника интересует охота, а не сам акт убийства, он – лишь заключение. Пока длится охота, не спадает возбуждение. Патрик сохранял спокойствие, подперев руками подбородок и задумчиво глядя на психолога. Он нащупал интересную, неожиданную ниточку и ни за что не хотел ее упустить, какой бы странной она ни казалась.

– Ты уснула за несколько секунд до удара, – сказал он. – Авария произошла в 3:43. Рабочие нашли тебя без сознания, в пяти метрах от машины, в 6:37, то есть почти три часа спустя. Ты твердила и Пальмери, и Фредерику: ты не знаешь, что произошло, и понятия не имеешь, как оказалась снаружи, невредимая.

Абигэль молчала, не вполне понимая, куда он клонит.

– Я вот что подумал: если он тебя видел, может быть, и ты видела его?

– Нет, нет. Я никого не видела, я это говорила уже много раз. До аварии я дремала, в голове было не вполне ясно. Я помню все спорадически, будто вспышками: автострада, лес, туман... Еще у меня было гипнагогическое видение: померещилось, будто какой-то зверь пересекал дорогу. То ли лисица, то ли человек, с острыми ушами, высокий, но... это все.

– И ты уверена, что это было именно видение? Что это не мог быть, к примеру, Фредди?

– Мой отец ничего не видел.

– И больше ничего после этого гипна... как его, видения? Я знаю, что тебе это трудно, но подумай, Абигэль. Это может очень помочь нам в деле. Даже деталь, которая кажется тебе незначительной, могла бы объяснить присутствие этого вырезанного глаза...

– Нет. Мне очень жаль. Я вам все сказала, больше ничем не могу помочь.

Абигэль глубоко вздохнула и поднялась. Ей надо было выйти отсюда. В последний раз она посмотрела на фотографии детей. И на большой вопросительный знак на белом прямоугольнике.

– Мне надо домой. Держитесь.

Фредерик взялся за телефон:

– Я вызову тебе такси.

– Не стоит.

Он понял, что она приехала на своей машине. Что собственная жизнь больше не имеет для нее значения. Она услышала голос Патрика за спиной:

– Ты можешь вернуться на работу, когда захочешь. Ты нам нужна, знаешь это?

Абигэль помедлила, не оборачиваясь, потом, преодолев колебания, вышла. Разум запрещал ей оставаться здесь. Она оставляла коллег с их вопросами, сомнениями, их мучениями сыщиков. Велика вероятность, что в этот час новый ребенок – возможно, последний в этой жуткой серии – был похищен где-то во Франции, коль скоро чучело предыдущего пропавшего, Артура, им предъявлено. Девочка с длинными светлыми волосами, как у Леа, чья жизнь рухнула навсегда.

Ей не удалось спасти собственную семью, так что же она может сделать для этой новой пропавшей?

Она прошла по длинным пустым коридорам, где гулко звучали только ее шаги. Раскрытый зев Безумной Вдовушки. Так легко поддаться ей, поддаться безумию. Рухнуть по другую сторону...

Снаружи фонари освещали строгие здания красного кирпича с маленькими квадратными окошками. Абигэль увидела в них лица всех пропавших. Этих детей, которые звали, требовали ее помощи. Алиса, Виктор, Артур. И новая девочка без лица.

Повернулся ключ в зажигании, машина тронулась. Ночь поглотила ее. Рой снежных хлопьев ласкал ветровое стекло. Дети водили хоровод и кричали в ее голове. Артур сидел рядом с ней на пассажирском сиденье. Обритый наголо, с кровавыми слезинками на щеках. Она моргнула, и он исчез.

Они всегда будут здесь, все. Никогда они не оставят меня в покое.

Она выехала на пустынную автостраду, прибавила газу, опасно приблизившись к разделительной полосе на скорости больше ста сорока километров в час. «*Lascia ch'io pianga*» из оперы «Ринальдо» звучала на полную громкость. От этого пения на глаза навернулись слезы. Она ослабила хватку на руле и стала ждать, когда парализует ее тело. Когда ее поглотит тьма.

Она была готова.

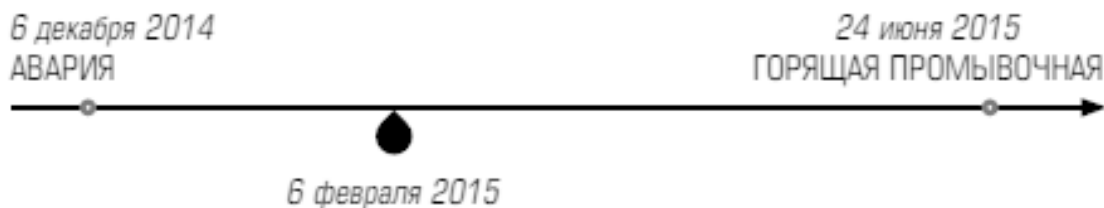
Но, как и во все предыдущие разы, когда она искушала дьявола, проносились километры, звучало пение, чистый голос, хрустальный напев скрипок, хриплая сила контрабасов. И в эту ночь снова слез не хватило, чтобы вызвать приступ. Змей нарколепсии не посмел укусить, он предпочел дать ей медленно угаснуть в своей постели, вводя себе скудные дозы отравы.

Абигэль глубоко вздохнула.

И в эту ночь ей не суждено умереть.

Нет, ей предстоит встреча с собственными демонами.

20

Она выключила автораднo. Голоса смолкли, оставив в ушах отзвуки струнных. Двадцатью километрами дальше она свернула с автострады.

Впервые она возвращалась на убийственный маршрут.

Очень скоро лес обступил ее, словно желая взять в плен. Снег перестал, но крошечные льдинки плясали в свете фар и липли к ветровому стеклу. Абигэль опустила стекло со стороны водителя, впустила в машину хлесткий воздух, чтобы взбодриться.

Впереди, еще расплывчатая, виднелась развилка. В ту ночь, 6 декабря, мигал оранжевый сигнал, предупреждая о работах, теперь Абигэль хорошо это помнила. Как ее отец два месяца назад, она свернула на Д151. Длинный асфальтовый ров в чреве леса. Она искала километровой столбик справа, 12-й километр. Высмотрев его наконец, остановилась на обочине и вышла, застегнув молнию своей толстой куртки до подбородка. Ветер пробирал до костей. Гипнагогическое видение посетило ее точно в этом месте. Она всмотрелась в безжизненную картину вокруг, лабиринт ветвей на фоне бездны.

Вернулась в машину, включила до упора обогрев, тронулась. Сотней метров дальше взгляд ее машинально сместился на левую обочину дороги. И в голове вспыхнуло. Она затормозила так резко, что машину занесло.

В ту ночь на обочине, вскоре после видения, она видела машину. Черный «кангу» с погашенными фарами.

«Кажется, у этой машины проблема. Почему ты не остановился?»

Собственный голос звучал в ушах. Этот вопрос она задала отцу, а он не ответил. Еще одна гипнагогическая галлюцинация или там вправду была машина? Чья? Фредди? Она всмотрелась в дорогу. Дерево-убийца вздымалось там, в конце пути. Хозяин «кангу» видел аварию из первых рядов.

Надо позвонить Патрику Лемуану и предупредить его. Все ее мускулы напряглись, когда чуть дальше она увидела тот самый вираж. Отражающие панно предупреждали о повороте дороги. К горлу подступила тошнота. Она припарковалась метрах в десяти от виража, вышла, и ее вырвало.

Лес был насыщен сыростью, на деревьях ключьями висел туман. Команды уже уехали и увезли прибитое к дереву чучело. Осталось, наверно, лишь пустое место, окруженное лентами жандармерии.

Абигэль добралась до освещенного фарами поворота. От следов удара, вывороченных кусков коры, ее снова затошнило. Она представила, как вылетают тела через ветровое стекло, точно пули, как разлетаются, ударившись о ствол, головы. Слава богу, Леа спала, она не мучилась. Но отец... Она поискала на стволах вокруг и наконец в двух-трех метрах наткнулась на вырезанное послание.

3:43

Кончиком перчатки она погладила наклоненный глаз и время аварии. 3:43. Обернулась к дороге, представила себе «Рено-Кангу», припаркованный в двухстах метрах... Фредди... Что видел автор надписи в тот вечер, кроме разбившейся о дерево машины? Если это был Фредди, почему он дал себе труд создать эту загадку?

Она долго всматривалась в рисунок. Глаз, направленный в землю.

3:43, 3:43, 3:43...

Страшное наитие осенило вдруг Абигэль. Вся дрожа, она принялась рыскать вокруг. Фотографии, которые она видела, и пояснения, которые слышала, позволили ей обнаружить место своего приземления после удара: широкое ложе из листьев и перегноя, где не было деревьев. Что-то вроде защитной клетки Фарадея¹⁰

¹⁰ *Клетка Фарадея* (или «щит Фарадея») – устройство, изобретенное английским физиком и химиком Майклом Фарадеем в 1836 г. для экранирования аппаратуры от внешних электромагнитных полей. Обычно представляет собой заземленную клетку, выполненную из токопроводящего материала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.